

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№9(52)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

МОСКВА, 2021

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам III международной
научно-практической конференции*

№ 9 (52)
Октябрь 2021 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2021

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва;

Монастырская Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, Россия, г. Кемерово.

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:

сб. ст. по материалам ЛП междунар. науч.-практ. конф. – № 9 (52). – М.:

Изд. «МЦНО», 2021. – 60 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2021

Оглавление	
Раздел 1. Искусствоведение	5
1.1. Теория и история искусства	5
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКИХ КОЛОКОЛОВ 581 – 907 ГГ. ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ	5
Чжан Минси	
Раздел 2. Культурология	9
2.1. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	9
СОВРЕМЕННАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ САДОВЫХ СКУЛЬПТУР ВО ДВОРЕ СТРОГАНОВСКОГО ДВОРЦА. НЕПТУН	9
Несветаило Татьяна Николаевна	
Раздел 3. Литературоведение	15
3.1. Русская литература	15
ОБРАЗ ПРИРОДЫ И ПЕЧАЛИ В СТИХАХ ЛАРИСЫ МИЛЛЕР	15
Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир	
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИРООЩУЩЕНИЯ И.А. БУНИНА В РАССКАЗАХ 1921 ГОДА	19
Щукина Вероника Александровна	
3.2. Теория литературы. Текстология	27
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ (ШАБРАНСКОЙ) КОПИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АХМАДА БИН ХАСАНА ЧАРПАРДИ "ШАРХ АШ-ШАФИЯ ФИТ-ТАСРИФ"	27
Севиндж Бахрам кызы Байрамова	
Раздел 4. Языкознание	33
4.1. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	33
НАРЕЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ И НАРЕЧИЯХ НАХИЧЕВАНИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	33
Мамедова Шакар Эйвали кызы	

4.2. Теория языка	40
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ БАЗОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ Жегалина Ольга Кареновна	40
ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА ГЕРОИНИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА Купавская Алла Александровна	45
ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ФРАЗА: СООТНОШЕНИЕ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА, РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ Нимаева Эржена Зориктоевна	53

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКИХ КОЛОКОЛОВ 581 – 907 ГГ. ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ

Чжан Минси

*Белорусская государственная академия искусств,
Республика Беларусь, г. Минск*

В период 581-907 гг. в Китае последовательно появились две династии: Суй (581-618 гг.) и Тан (618-907).

Они и европейская Византийская империя (Восточная Римская империя 395-1453 гг.) стали главными господствующими государствами Европы и Азии. Усиление авторитаризма и очередной расцвет буддизма, даосизма и конфуцианства поспособствовали развитию исключительных особенностей китайских чжунов этого исторического периода.

Представляя разные династические ветви, с точки зрения культуры они были едины: династия Тан переняла культурные традиции, экономическую и политическую систему Суй.

Политическая стабильность, централизация власти, экономическое развитие и военная мощь подготовили необходимую материальную и духовную почву для развития бьяньчжунов.

После династии Цинь произошли изменения в государственном устройстве Китая: в связи с переходом от феодальной системы эпохи Чжоу (XI в. до н. э. – 221 г. до н. э.) к абсолютизму и централизации власти все население считалось народом императора.

В период Тан никому, даже чиновничеству и аристократии, не разрешалось использовать бьяньчжун.

Это была привилегия императора и наследника престола, причем права наследника в этой области были ограничены.

В «Ритуалах Чжоу» («Чжоу ли») упоминается, что только в присутствии императора или наследника можно было обращаться к «ритуалу» («ли»).

Начиная с периода правления династии Хань (202 до н. э. – 220 г.), в музыкальную практику вводятся ударные и духовые инструменты, постепенно заменившие бяньчжун.

Поэтому потребность царствующего дома в этих колоколах сократилась: за ними сохранилось лишь важное политическое значение.

Для мировоззрения китайского народа характерен «смелый взгляд в глаза смерти», согласно которому в захоронение было принято класть вещи, которые умерший любил при жизни и часто ими пользовался.

Так, в гробницах императоров можно обнаружить множество ценных предметов. Среди захоронений императоров династии Тан в целостности сохранилась лишь гробница У Цзэтяни, остальные были разграблены.

Возможно, что часть бяньчжунов как важная «ритуальная утварь и музыкальные инструменты» была также похищена.

Во время археологических раскопок в захоронении номер М 2 района Цаочжуан, города Янчжоу провинции Цзянсу был обнаружен единственный найденный на сегодняшний день бяньчжун (набор колоколов) династии Тан, состоящий из 16 чжунов (колоколов) [1]. (М 2: Хозяином гробницы является императрица Сяо – жена императора Ян, хозяином гробницы М 1 является сам император Ян. Император Ян умер в 618 г., а в 622 г. Ли Юань – первый император династии Тан – приказал переместить гробницу Яна в место, обнаруженное археологами.

По приказу Ли Шимина в 648 г. умершая императрица Сяо была погребена вместе с мужем.) Приведем текст из источника «Суй шу: записки о музыке», касающейся бяньчжунов этого периода: «по сравнению с юаньчжунами того периода бяньчжун имел небольшие размеры, был оборудован подставкой, на которую подвешивались 16 колоколов-чжунов в два ряда (в зависимости от размеров) – 8 вверху и 8 внизу» [2, с. 147].

Точные сведения об общем количестве бяньчжунов неизвестны, так как работы по раскопкам гробницы императора Ян еще не завершены.

Но сведения именно об этом бяньчжуне дают основание утверждать, что в период династии Тан было возобновлено литье бяньчжунов. (Исследования бяньчжунов этого времени показывают, что хотя они и максимально подражали бяньчжунам эпохи Западной Чжоу, технику литья «дифонии одного колокола» восстановить не удалось). Это же подтверждают и записи в «Цзю Тан шу»: характерная особенность бяньчжунов после династии Хань («дифония одного колокола») не была известна потомкам. Достоверность сведений о бяньчжунах зафиксирована в таких древних литературных источниках как «Тан шу» и «Цзю Тан шу».

В период 589 – 907 гг. политические и религиозные потребности в колоколах привели к интенсивному развитию именно юаньчжунов.

В период династий Цинь и Тан правящий слой с одной стороны поощрял и поддерживал развитие буддизма, а с другой – использовал различные методы усиления контроля над ним.

На этом фоне буддизм начал стремительно развиваться как один из факторов обеспечения общественной стабильности. В этот период появилось множество различных религиозных школ на основе буддизма, относительно известными из которых являются «школа Трех трактатов», Виджняптиматра, «школа Чистой Земли», «Школа Винаи», «школа Хуаянь», Ваджраяна, дзэн-буддизм, «школа Тань-тай» [3 с. 48]. История сохранила имена выдающихся буддийских наставников: Цзи Цзан, Сюань Цзан, Фа Цзан, Хуэй Юань, Хуэй Нэн и другие. Многие буддийские монахи отправлялись в Индию в поисках буддийских сутр. По возвращению они распространяли знания среди простого народа.

На основе синтеза индийского учения с национальными традициями культуры сформировалось китайский вариант «буддийского учения Махаяны». Юаньчжуны также сопровождали развитие и процветание буддийских колоколов. Через Китай буддизм распространялся далее – на Тибет, Южную Корею, Северную Корею, Японию и часть стран Юго-Восточной Азии. Этим объясняется наличие на территории современных Японии и Южной Кореи большого числа китайских фаньчжунов.

В период династий Суй и Тан начали отливать юаньчжуны второго типа или «цзянбокоу чжун». Разница конструкции колоколов первого и второго типа заключается в том, что часть края колокола – коу (губы) второго типа имеет форму, напоминающую лист лотоса. Это дало название хэкоу («губы в виде листа лотоса»).

Связь с лотосом буддийских колоколов династии Тан имеет объяснение: этот цветок является треном, на котором восседает бодхисатва Гуаньинь. Но в результате это изменение привело к дефекту акустических свойств: инструмент издавал очень тихий жужжащий звук.

Дизайн каждого чжуна был оригинален, но наиболее распространенными были следующие виды орнамента – богиня, парящая в небесах, дракон, лев, журавль, Чжу-Цюэ (朱雀 мифологическая красная птица).

При изготовлении юаньчжунов второго формы обычно использовали орнамент, деливший поверхность колокола на 18 частей.

В каждой из них ремесленник гравировал на корпусе буддийские сюжеты, канонические образы. Наиболее ранний из обнаруженных чжунов принадлежит храму Бао (уезд Фусянь, провинция Шэньси).

Каждую его часть украшает изображение летящей апсары, дракона, феникса, либо орнамент из диагональных и круглых линий. Стиль этих храмовых колоколов (иначе – фаньчжунов) оказал влияние на даочжуны (колокола даосских храмов) и лоучжуны (колокола городских колокольных башен). В период Тан юаньчжуны первой и второй формы использовались совместно.

Список литературы:

1. 束家平;杭涛;刘刚;薛炳宏. 江苏省扬州市曹庄隋炀帝墓, 北京: 考古, 2014 (7): 71页 – 77页. = Шу, Цзяпин. Захоронение императора Суй-ян, поселка Цао, города Янчжоу, провинции Цзянсу / Цзяпин Шу [и др.] // Археология. – 2014. – № 7. – С. 71–77.
2. 徐元勇. 中国古代音乐史研究备览修订本. 合肥: 安徽文艺出版社, 2015 : 292 页. = Сю Юаньюн, Исследование древней китайской музыки / Юаньюн Сю. – Испр. изд. – Хэфэй : Лит. изд-во Аньхоя, 2015. – 292 с.
3. 刘新科. 基本知识中国文化概论. 长春: 东北师范大学, 2015 : 220页. = Лю Синькэ. Введение в элементарные знания о культуре Китая / Синькэ Лю. – Чанчунь : Пед. ун-т Дунбэй, 2015. – 220 с.

РАЗДЕЛ 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ САДОВЫХ СКУЛЬПТУР ВО ДВОРЕ СТРОГАНОВСКОГО ДВОРЦА. НЕПТУН

Несветайло Татьяна Николаевна

*ст. науч. сотр.,
Государственный Русский музей,
РФ, г. Санкт-Петербург*

THE CURRENT LOCATION OF GARDEN SCULPTURES IN THE COURTYARD OF THE STROGANOV PALACE. NEPTUNE

Tatiana Nesvetailo

*Senior Research Fellow,
State Russian museum,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье рассматривается современное расположение садовой скульптуры во дворе Строгановского дворца, а также история бытования скульптуры Нептун.

Abstract. The article examines the current location of garden sculptures in the courtyard of the Stroganov Palace, as well as the history of the existence of sculptural statues of Neptune.

Ключевые слова: реставрация памятников архитектуры; дворцы Санкт-Петербурга; парковая скульптура.

Keywords: restoration of architectural monuments; palaces of St. Petersburg; garden sculptures.

Описывая достопримечательности Строгановской дачи, М.И. Пыляев перечислял в числе прочих скульптур статую Нептуна с трезубцем, стоящую на пруду [5, с. 213]. Она является одной из самых ранних скульптур, находящихся до 1908 года в саду Строгановской дачи на Черной речке, а ныне во внутреннем дворе Строгановского дворца. По мнению Е.В. Карповой, эта скульптура была выполнена итальянским мастером конца XVII века [1, с. 43].

Парковая скульптура в садах и парках Санкт-Петербурга и Москвы появляется в первой четверти XVIII века, вслед за первой скульптурной коллекцией Петра I. Садовая пластика привозилась из-за рубежа или создавалась в России иностранными мастерами [6, с. 91]. После смерти первого русского коллекционера интерес к этому виду искусства сменяется почти полным забвением: «Во второй четверти XVIII века из-за сложности в торговых операциях снижается ввоз круглой скульптуры из-за границы. Возникали ситуации, когда привезенная скульптура не была приобретена заказчиком. Так, в 1751 году для Канцелярии от строений голландские купцы привезли партию скульптуры, но Канцелярия отказалась ее купить, и купцы вынуждены были предлагать ее всем желающим» [6, с. 90]. Тем не менее, новое явление русской художественной культуры постепенно распространяется в усадьбах и резиденциях Санкт-Петербурга и Москвы и в середине – второй половине XVIII века становится неотъемлемой частью садово-паркового ансамбля, выполняя важную функцию в формировании смыслового и декоративного наполнения ландшафта. Первым владельцем местности, которую в 1743 году приобрел барон С.Г. Строганов, был дипломат петровского времени Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1669-1738). Затем загородный дом с подсобными строениями и садом перешёл по наследству к его племяннику, графу М.И. Владиславичу, который и продал эту территорию барону.

После приобретения дачного участка С.Г. Строгановым А. Ринальди построил для него в 1754 году павильон, простоявший по меньшей мере до 1790 года, когда были сделаны его изображения Жаном Бальтазаром Траверсом. С.О. Кузнецов предполагает, что этот же архитектор осуществил также первые работы по созданию сада, в том числе по устройству пруда, в центре которого была установлена мраморная статуя Нептуна, стоящего на морских конях гиппокампах. Смысловой сценарий Строгановского сада исследователь связывает с сюжетом произведения Гомера «Одиссея»: пруд, расположенный напротив дачи, символизировал море — царство Нептуна. На острове в пруду — в «море» — обитала нимфа Калипсо, державшая у себя в плену Одиссея. Сооружения в саду — Мусульманский павильон, Обелиск, Египетские

ворота — намекали на скитания по миру главного героя после кораблекрушения, устроенного Нептуном [1, с. 62]. Самым ранним изображением Нептуна в саду является акварель А.Н. Воронихина 1794 года, где скульптурная композиция показана полностью, с конями-гипокампами, на фоне острова с гротом. Бог морей изображен и на рисунке художника семьи Строгановых Е.И. Есакова 1812 года, но менее детально. На фотографии второй половины XIX века Нептун уже виден без коней.

**Рисунок 1. А.Н. Воронихин.
Статуя Нептуна и остров
с гротом на Черной речке.
1794. ГРМ;**

**Рисунок 2. Е.И. Есаков.
Вид на круглый пруд со статуей
Нептуна и Каменный мост
в Строгановском саду. 1812. ГРМ**

Рисунок 3. Неизв. авт. Фото 1870-1880 гг.

Статуя Нептуна представляет собой мужскую фигуру в рост высотой 215 см с упором на правую ногу и некоторым наклоном влево. Левая рука придерживает драпировку, правая, которая когда-то держала трезубец, отсутствует. Как сообщает С.О. Кузнецов, отломанная рука была передана в 1920-е годы в Эрмитаж [2, с. 61]. Последняя реставрация скульптуры была в 1977 году, без воссоздания руки и трезубца. «Ассоциативно она отсылает нас к фонтану «Нептун» верхнего парка

в Петергофе. Его первая скульптурная группа, не сохранившаяся до настоящего времени, была исполнена в 1737 году Бартоломео Растрелли. Он же был автором небольшой бронзовой статуэтки 1723 года, находившейся в Строгановском дворце, а теперь хранящейся в Русском музее [2, с. 61].

**Рисунок 4. Статуя Нептуна
во дворе Строгановского дворца.
Е.В. Плюхин. Фото 1986-1988**

**Рисунок 5. К.Б. Растрелли.
Проект статуи Нептуна
для Петергофа. 1723. ГРМ**

Вероятно, прообразом строгановского Нептуна была скульптура XVII века «Нептун и Тритон», созданная итальянским архитектором и скульптором Джованни Лоренцо Бернини из мрамора в 1620-1624 гг. (Музей Виктории и Альберта, Лондон). Поза, в которой находится мифологический персонаж, намного ближе к ней, чем к проектной скульптуре Растрелли. Жест правой руки, идентичный в обеих скульптурах, и взгляд вниз отражают тот момент, согласно «Энеиде» Вергилия, когда Нептун трезубцем сбивает корабли Энея.

Рисунок 6.
Скульптуры Нептуна
и Флоры во
внутреннем дворе
Строгановского
дворца.
Е.К. Монтлевич.
Фото 1978-1979 гг.

Рисунок 7. Фото
60-70 гг. XIX века.
Фрагмент

Рисунок 8.
Д.Л. Бернини.
Нептун и Тритон.
1620-1624.
Музей Виктории
и Альберта, Лондон

Относительно времени появления скульптуры Нептуна в саду Строгановской дачи, представляется более вероятным предположение, связанное с деятельностью первого ее владельца [1, с. 43]. Граф С.Л. Рагузинский находился с 1716 по 1722 годы в Италии (Риме и Венеции), выполняя различные поручения Петра I, среди которых была закупка мраморных статуй в связи с расширением дворцового строительства в Петербурге. Именно он заказывал скульптуры для Летнего сада и приглашал итальянских специалистов в Россию. Возможно, скульптура Нептуна была в числе заказанных Петром I для верхнего парка в Петергофе, но оказалась не соответствующей представлению русского царя о символе героического утверждения России на море. Поэтому Петр I поручил работу над новой статуей для фонтана в Петергофе К.Б. Растрелли.

Отвергнутую скульптуру С.Л. Рагузинский, возможно, разместил в своем саду, а Строгановы приобрели ее вместе с участком и сделали впоследствии центральным персонажем своего садового сценария, тем более, что тема приключений античного героя была отражена и в иконографии Большого зала Строгановского дворца. Это предположение согласуется с итальянским происхождением и временем создания скульптуры, предложенной Е.В. Карповой. Поэтому вполне вероятно, что скульптура Нептуна находилась в саду с начала 1720-х гг.

Список литературы:

1. Кузнецов С.О. Строгановский сад. О почти исчезнувшем памятнике. СПб.: Коло, 2012.
2. Кузнецов С.О. Строгановская дача: "Одиссея" на Черной речке. (Планы создания А.С. Строгановым сада, "в котором ожили бы страницы "Одиссеи" Гомера) // Наше наследие, № 61, 2002.
3. Лециловская И.И. Сербы в России. Институт славяноведения РАН «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.». – М.: Наука, 2003.
4. Монументальная и декоративная скульптура Ленинграда. Составители: Е.В. Плюхин, А.Г. Раскин . Л., Искусство, ЛО, 1991.
5. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 2002.
6. Яхненко Е.В. Некоторые аспекты восприятия парковой скульптуры XVIII века // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства 03/ 2019.- СПб., 2019.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБРАЗ ПРИРОДЫ И ПЕЧАЛИ В СТИХАХ ЛАРИСЫ МИЛЛЕР

Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир

*преподаватель русского языка и литературы,
Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

NATURE AND SADNESS IN THE POEMS OF LARISA MILLER

AL-Shuwaili Hussein Ali Khudhair

*Instructor of Russian Language and literature,
Baghdad of University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Тема природы всегда интересует много русских поэтов, и она занимает главное место в творчестве русских поэтов. В стихах Ларисы Миллер нашел изображение природы – это отражение глубокой и эмоциональной трагедии. Перед читателем выявляются великолепные картины природы. В некоторых случаях природа отображает те желания и волнения, которые кипят в нас. Благодаря поэтическому таланту и тонкому чувству жизни Л.Миллер точно находит сравнения и эпитеты, изображающие изменения жизни ее, такое сравнение порождает воспоминания об изображении природы и важные события, которые происходят в своей жизни.

Abstract. The theme of nature is always of interest to many Russian poets, and it occupies the main place in the work of Russian poets. In Larisa Miller's poems, I found an image of nature - this is a reflection of a deep

and emotional tragedy. Magnificent pictures of nature come to light before the reader. In some cases, nature reflects the desires and worries that boil in us. Thanks to her poetic talent and subtle sense of life, L. Miller accurately finds comparisons and epithets depicting changes in her life, such a comparison generates memories of the depiction of nature and important events that occur in her life.

Ключевые слова: природа; печаль; стихи; изображение; Лариса Миллер.

Keywords: nature; sadness; poetry; image; Larisa Miller.

Л. Миллер – знаток в изображении природы и ее искренней чувствительности считается революционным явлением в русской поэзии. Изображение природы у Л. Миллер является основным предметом выражения своих чувств, поэтому изображение природы отражает характерные черты мировоззрения этой поэтессы, и в то же время выделяется своей философской глубиной. Л. Миллер воспринимал природу как нечто активное, находясь в постоянном движении. Поэтесса хорошо знает, как найти в самых простых природных явлениях, которые служат истинным, зеркальным отражением красоты и боли в то же время, поэтому тема природы является основной в стихах Лариса Миллер, она раскрывает – страдание ее так велико, что у поэтессы возникают некоторые вопросы от этих страданий, но здесь возникает вопрос: сможет ли она вынести эти страдания? Мне кажется, что поэтесса ставит себе задачу – бороться против этих страданий, но она иногда пасует перед этими страданиями, и здесь главным героем произведения является сама поэтесса. Показывая свои страдания, Лариса Миллер не мыслит своей боли вне общей боли народа. И в то же время мы находим, что в творчестве Ларисы Миллер чувствуются нотки одиночества, поэтому мы находим природу в стихах ее, например, в стихотворении “Облака, что живут в небесах” она не говорит о себе только:

“ Облака, что живут в небесах, там же умирают ”

Ясно, что поэтесса в этой первой строке указывает на облака, как будто Л. Миллер хочет сказать нам – даже облака лучше, чем мы, потому что они живут в небесах и умирают спокойно.

А потом она показывает нам изменения, которые появляются на облаках, и влияние этих изменений на облака при закате:

“ Умирают легко и шутя и как будто играют.
То плывут, то летают, то вдруг на закате алеют,
А потом исчезают, не мучаются, не болеют ” [1].

Здесь последние строки показывают нам смысл этого стихотворения, Лариса Миллер хочет сказать нам : "Я мучаюсь и болею".

В другом стихотворении Лариса Миллер использует некоторые слова, которые указывают на природу:

“ Приняв за чистую монету,
Вот эту снежную планету
Всерьез пытаться жить на ней,
Плутая средь ее огней,
Лучей, теней, во тьме плутая,
Надежду робкую питая
На то, что этот долгий путь
Нас приведет куда-нибудь” [2].

Здесь у Ларисы Миллера возникает другое впечатление, как будто она рассказывает о своей личной жизни, которая закончится неизвестным окончанием. Слова, указывающие на природу, будто они символизируют трудности жизни в этом стихотворении.

А в стихотворении “Не прекращаются поставки листвы и воздуха...”, мы находим вид природы полон в этом стихотворении:

“Не прекращаются поставки
Листвы и воздуха, и травки,
И птичьих стай, и летних гроз,
И света, и смертельных доз
Тоски и горечи, и боли,
И ветра, ветра, ветра в поле [3].

Удивительно, что Лариса Миллер в этом стихотворении использует виды природы много, будто она делает сравнения между видами природой и чувствами, здесь ей удалось описать движения жизни, в том числе виды природы и страдания.

Отпечаток природы в стихах Л. Миллер является ярким примером формирования образа стихотворения у нее. Образ природы остается одним из прекраснейших образов современной русской литературы, в котором нашли отражения качества характера русского человека. В основе этого лежит личная жизнь и борьба Л. Миллер. Но нельзя забывать, что вместе с тем он является художественным образом. Пожалуй, ещё никто из поэтов, кроме Л. Миллер, не вводил так смело в литературу описание своей жизни. Поэтесса с большой искренностью показывает нам трудности жизни, происходящие в её душе и в тоже время раскрывает перед нами самые сокровенные переживания.

Л. Миллер хочет показать, как русская гражданка росла и закалялась в тяжёлые годы во время СССР, и тем самым подчеркнуть эти сокровенные переживания, поэтому вместе с народом она вынесла все страдания власти во время СССР, и кажется, она никогда не забыла этого печального эпизода, который он является неотделимой частью от истории своего народа, и как она связала виды природы со страданиями народа её:

“И в черные годы блестили снега,
И в черные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных веди,
Деревья вишневые нежно цвели,
Качались озерные воды
В те черные, черные годы. [3, № 55, 2017]

Итак, при чтении стихотворения Л. Миллер, у нас возникает впечатление, будто Л. Миллер рассказывает эпизоды из своей жизни, она рисует перед нами художественный образ, раскрывающий великое страдание народа во время советского союза, и здесь как будто поэтесса показала нам, что она была свидетелем за этот этап, и видела в ее глазах эти страдания, и прежде всего, вынести все испытания, и свои слова в этом стихотворении будто вырываются из груди народа ее, выражая свою печаль, поэтому Л. Миллер как будто объединяет два плана – показ исторических событий и изображение жизни поэтессы. И кажется мне, что русский народ – это источник вдохновения поэтессы.

Интересно отметить, что поэтесса не отрывается от реальной действительности, от изображения этой действительности, а вникая глубже в ее сущность, поэтесса дает нам как иностранцам возможность увидеть картину советской власти, и ускоряет эту картину. Это одна из самых характерных черт стихов Ларисы Миллер, а также стихи ее являются уроками в этой жизни.

Список литературы:

1. Журнал “Арион”, 2011, № 1.
2. Журнал “Континент”, 2004, № 120.
3. Журнал “Новый Берег”, 2017, № 55.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИРООЩУЩЕНИЯ И.А. БУНИНА В РАССКАЗАХ 1921 ГОДА

Щукина Вероника Александровна

канд. филол. наук, ст. науч. сотр.,
Воронежский областной литературный музей
имени И.С. Никитина
РФ, г. Воронеж

ARTISTIC REFLECTION OF BUNIN'S ATTITUDE IN THE SHORT STORIES OF 1921

Veronika Shchukina

Candidate of Philological Sciences,
Senior research fellow,
Voronezh Regional Literary Museum named after I.S. Nikitin
Russia, Voronezh

Аннотация. В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы, способствовавшие созданию рассказов И.А. Бунина 1921 года. Определяется, как трагическое мироощущение автора повлияло на тематику и образный строй произведений начального периода эмиграции.

Abstract. The article investigates the external and internal factors that contributed to the creation of Bunin's short stories in 1921. The paper also analyzes how author's tragic outlook influenced the themes and imaginative structure of his works of the initial period of emigration.

Ключевые слова: трагическое мироощущение; физическая смерть; духовная смерть; психологическая смерть; ностальгические мотивы.

Keywords: tragic attitude; physical death; spiritual death; psychological death; nostalgic motives.

Сложилось мнение, что в начальный период жизни в эмиграции Иван Алексеевич Бунин не создал значительных произведений, практически ничего не писал. Однако в 1921 году появились знаковые рассказы, которые особенно ценны тем, что дают точное представление о психологическом состоянии автора и выражают его отношение к произошедшим на Родине историческим событиям.

Как известно, Октябрьская революция 1917 года полностью изменила не только общественно-политическую жизнь страны, но и судьбы многих россиян. В числе тех, кто категорически не принял этого переворота, был И.А. Бунин. В дневнике 1917-1918 годов он страстно критикует охлократию: «Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, – русской земли, а не своей только десятины!» [1, с. 53]. Наблюдая «дикую злобу у всех» [1, с. 47] и «озверение» [1, с. 76] народа, И.А. Бунин теряет веру в человека: «Если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, Италию, например, во Францию, везде было бы противно – опротивел человек! Жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его, его душу, его мерзкое тело. Что наши прежние глаза, – как мало они видели» [4, с. 187].

Тем не менее надежда на возвращение былой жизни долгое время не покидает И.А. Бунина. Расстаться с родной страной он не спешит. В 1918 году Иван Алексеевич вместе с женой Верой Николаевной переезжает из Москвы, которая стала «так мерзка, что страшно смотреть» [1, с. 187], в Одессу, где живут многие его друзья, в том числе художник Евгений Иосифович Буковецкий (1866-1948), дом которого и становится последним пристанищем Буниных на отеческой земле.

В июле 1919 года Иван Алексеевич с сожалением отмечает в дневнике: «Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – всё прихлопнуто, всё издохло» [2, 25. VII./7. VIII. 19]. Осознав эту горькую истину, И.А. Бунин принимает решение об эмиграции. В начале 1920 года он навсегда уезжает во Францию.

Жизнь в чужой стране на средства меценатов Цетлиных поначалу очень тяготит Ивана Алексеевича. Находясь в подавленном состоянии, он практически не может творить, лишь переиздаёт написанное ранее. Только в 1921 году появляются рассказы, в которых И.А. Бунин затрагивает ряд важных тем.

В этих произведениях на первый план выходит мотив «конца» (такое название имеет один из рассказов) – безвозвратной утери всего дорогого, всей жизни. Дневниковая запись И.А. Бунина от 21 июня 1921 года также представляет собой настоящий крик отчаяния: «И всему конец! И всё это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже последних родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь...» [3, 8/21. VI. 21. Париж].

Несомненно, танатологическая проблематика всегда привлекала И.А. Бунина. Достаточно вспомнить его известный рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915), в котором смерть предстаёт в двух ипостасях: как физическое умирание, выступающее в качестве социального уравнителя, и как прижизненная бездуховность. Однако в 1921 году моральные

мотивы становятся ключевыми в творчестве Ивана Алексеевича, что объясняется характерными жизненными ситуациями.

Прежде всего, многие знакомые из эмигрантского окружения И.А. Бунина в этот период теряют близких, оставшихся на Родине: «У Шмелёвых погиб единственный сын, не пожелавший уехать с врангелевцами из Крыма. Взят прямо из лазарета в Феодосии и в числе десятков тысяч офицеров, чиновников, священников расстрелян по приказу Белы Купа. У Зайцева растерзан толпой племянник, выпускник Павловского юнкерского училища, и убит сын Веры Алексеевны» [7, с. 351]. И.А. Бунин становится и свидетелем смерти незнакомых людей в Париже, что также производит на него сильное впечатление: «Как действует на меня смерть! А тут ещё и у нас в доме кто-то умер (против Карташёвых). И вот уже весь дом изменился для меня, проникся чем-то особенным, тёмным» [3, 6/19. VI. 21. Париж].

Кроме того, сам Иван Алексеевич в декабре 1920 года переносит сильный сердечный приступ: «Мысль о смерти <...> не покидала его <...> с начала осмысленной жизни, с начала творчества <...>. Но теперь он словно почувствовал её физически» [7, с. 350].

Как следствие, в рассказах 1921 года тема смерти занимает центральное место, приобретая различные интерпретации.

1) Физическая смерть

Тема физической смерти представлена в рассказе «Преображение». В центре сюжета – старая женщина, которая «зажилась и жила так долго, что казалось, никогда не будет конца её жалкому и нудному существованию» [5, с. 70]. Дети и внуки – «молодое, сильное царство» [5, с. 70] – не проявляют к ней ни малейшего интереса. Только смерть приносит старухе величие, заставляет родственников не просто заметить её, но даже устраситься: «вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всём мире, в какое-то непостижимое и страшное божество – в покойницу» [5, с. 71]. Однако «преображение» происходит и с её младшим сыном Гаврило, читающим Псалтырь перед умершей. Он неожиданно для себя ясно осознаёт, насколько «презренный в своей животности и бренности мир живых» [5, с. 73]. Тем самым смерть, лишая жизни старуху, оказывается способной духовно воскресить другого человека.

2) Духовная смерть

Тему духовной смерти общества И.А. Бунин поднимает в рассказе «Безумный художник». Фабула строится вокруг отчаянной попытки живописца, вернувшегося из-за границы, написать на Родине своё лучшее произведение: «Я должен написать вифлеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину <...> таким ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового

человека» [5, с. 37]. Осуществив свою мечту, художник любителю «великолепной» картиной, не замечая её реального содержания: «На картоне же, сплошь расцветенном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, чёрно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удавленниками чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высились огромный крест с распятым на нём, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец. Низ же картины являл беспорядочную грудку мёртвых – и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц. И лица эти, ощеренные, клыкастые, с глазами, выкатившимися из орбит, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастием братоубийства, что их можно было признать скорее за лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не за человеческие» [5, с. 43].

Рассказ И.А. Бунина представляет собой развёрнутую метафору революционных событий на Родине. Писатель указывает на безумие тех, кому новая Россия искренне кажется «демократическим раем» [1, с. 69], тогда как в реальности является «сумасшедшим домом в аду» [1, с. 74]. Духовная смерть общества людей, у которых «в голове тьма, путаница самых противоположных вещей, в сердце – только корысть, материальное» [1, с. 89], для И.А. Бунина очевидна. Не случайно в дневнике он замечает: «Всё как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...» [3, 6 мая (пятница) 21 года].

3) Психологическая смерть

Тема психологической смерти наиболее ярко отражена в рассказе «Конец», где И.А. Бунин описывает прощание с Родиной. Лейтмотивом по тексту проходит упоминание на отсутствие жизни. Повсюду царит «зловещая безлюдность» [5, с. 52]: в городе с «совершенно вымершими улицами» [5, с. 52] «не было ни одного огня, порт был пуст» [5, с. 54], «на мостовых уже лежали убитые» [5, с. 52]. Последнее, что могут рассмотреть беглецы – «мол с мёртвым, тёмным маяком» [5, с. 54].

Резкий контраст погибшей стране представляет оживлённый мир парохода, который, подобно «ноеву ковчегу» [5, с. 54], наполнен различным «сбродом» [5, с. 55]. Поначалу пассажиры не могут понять, что живы лишь физически, поскольку уже «освободились от всяких человеческих уз, возвратились к первобытной простоте и неустроенности, к дикому образу существования» [5, с. 56]. Только на следующий

день приходит ясное осознание всего происходящего: «так вот оно что – я в Чёрном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» [5, с. 61].

Необыкновенно важная для И.А. Бунина тема Родины в рассказах 1921 года звучит особенно остро. В это время Иван Алексеевич проводит резкую границу между прежней и нынешней Россией. В его дневниковых записях 1921 года эти «страны» имеют даже различные наименования. Родина – Россия, чуждое государство – Русь: «Сон, дикий сон! Давно ли всё это было – сила, богатство, полнота жизни – и всё это было наше, наш дом, Россия!» [3, 8/21. VI. 21. Париж] VS «И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая <...> Русь!» [3, 6 авг. (н. с.) 21 г. Dietsmuhle. Висбаден]. Как верно замечает А.А. Волков, «чувствами и мыслями Бунин был нерасторжимо связан не с Россией вообще, а с Россией конца XIX века» [6, с. 281]. Действительно, ещё в стихотворении «Край без истории» (1916) Иван Алексеевич описывает древнюю «Русь киевских князей, медведей, лосей, туров» как непонятную «иноземную» страну.

Наряду с мыслями о гибели России, отражёнными в рассказе «Конец», в творчестве И.А. Бунина 1921 года доминирующую роль играют ностальгические мотивы. Яркий пример – рассказ «Косцы». В дневнике Иван Алексеевич отмечает, насколько важен для него монолг о Родине, составляющий основу этого произведения: «Нынче неожиданно начал «Косцов», хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока, да ещё не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед «Господином из Сан-Франциско», хотя можно ли сравнить мои теперешние силы, и душевные и физические с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений!» [3, 17-го ноября (н. ст.) 1921 г.].

В этом уникальном произведении И.А. Бунину всё же удалось выразить своё трепетное отношение к Родине. Россия в рассказе «Косцы» предстаёт живым существом, частичка души которого хранится в каждом соотечественнике: «в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу» [5, с. 63].

Родина испокон веков выступает защитницей для своих «балованных» [5, с. 65] сыновей. Привыкший к этому русский человек довольно пассивен, постоянно ждёт чуда, волшебства, которое спасёт его от всех невзгод. Об этой национальной черте характера И.А. Бунин упоминает в другом рассказе 1921 года «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», прибегая к известному фольклорному образу: «Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому: не сеял, не пахал и никакой работы не знал, а на печке сытенький полёживал» [5, с. 44].

Однако в рассказе «Косцы» писатель отмечает, что даже такая сказочная идиллия может неожиданно закончиться: «Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещицы птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению» [5, с. 66]. Финал произведения наполнен глубокой грустью. Не случайно 18 ноября 1921 года на литературном вечере Цетлиных «во время чтения «Косцов» <...> многие плакали» [7, с. 369].

В этом произведении снова на первый план выходит идея о том, что всё в мире имеет конец, не существует ничего постоянного. О бренности бытия в целом И.А. Бунин пишет в рассказе «Темир-Аксак-Хан», где обращается к ярчайшей исторической личности – монгольскому военачальнику Тамерлану (1336-1405), который в средневековых русских летописях именовался как Темир Аксак (Темир – «железо», Аксак – «хромец»), то есть Железный Хромец. При жизни это был «один из самых могущественных мировых правителей, знаменитых завоевателей, блестящих полководцев и хитроумных политиков. Тамерлан-Тимур создал одну из самых огромных империй в истории человечества. Его империя простиралась от реки Волги и Кавказских гор на западе до Индии на юго-западе. Центр империи был в Средней Азии, в Самарканде» [9]. Однако созданное непобедимым Тамерланом великое государство, наводящее ужас на все народы, ушло в небытие: «скоро распались все царства его, в запустение пришли города и дворцы, и прах песков замел их развалины под вечно синим, как драгоценная глазурь, небом и вечно пылающим, как адский огонь, солнцем... А-а-а, Темир-Аксак-Хан! Где дни и дела твои? Где битвы и победы? Где те юные, нежные, ревнивые, что любили тебя, где глаза, сиявшие, точно чёрные солнца, на ложе твоём?» [5, с. 29]. Гибель могущественной империи Тимуридов для писателя – пример печальной судьбы всех великих государств, которые с течением времени обречены на исчезновение. Именно «созерцая ток времени, гибель далёких цивилизаций, исчезновение царств <...>, Бунин словно испытывает болезненное успокоение, временное утление своего горя» [7, с. 365].

Конечно, по верному замечанию О.Н. Михайлова, «оторванность от родины не могла не сказаться на творческих возможностях Бунина. Эмиграция травмировала его, на время заставила замолчать, а главное – сильно ограничила его писательский диапазон и окрасила изображаемое в пессимистические тона» [8, с. 144]. Однако нельзя согласиться с тем, что в этот период «из поля зрения писателя выпала современность» [8, с. 144]. В 1921 году И.А. Бунин проявляет интерес и к социальной тематике. Так, в рассказе «Третий класс» Иван Алексеевич обращается к проблеме расового и сословного неравенства в современном ему обществе. И.А. Бунин описывает интересный случай, произошедший с ним на острове Цейлон. Речь о безуспешной попытке купить билет в вагон третьего класса: «Я твёрдо и ясно требую третий класс <...> Но мне всё-таки выкидывают билет первого класса. Я швыряю его назад – и тогда кассир вне себя от негодования и удивления, что белый человек одержим низким и безумным желанием сидеть рядом с цветным, начинает тоже кричать, пугает меня насекомыми, которых я могу набраться от цветных, главное же, наставляет меня в том, что никто, решительно никто из белых не ездит в третьем классе, что это не принято, неприлично, возмутительно!» [5, с. 26]. Оказывается, что «на этой радостной, райской земле» [5, с. 27] вырваться из классовых рамок просто невозможно.

В другом произведении 1921 года, навеянном поездкой на Цейлон, – рассказе «Ночь отречения» – И.А. Бунин размышляет уже о несовершенстве земной жизни в целом и человеческой природы в частности. Писатель обращается к образу Мары – демона-искусителя в буддийской космологии, соблазнявшего Будду и впоследствии отвлекающего людей от духовности мнимой привлекательностью земной жизни. Показательны слова учителя – «Победившего Желание» [5, с. 32] Сиддхартха Гаутама – сказанные верному ученику: «снова и снова отречёшься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни, в эту ночь земной весны» [5, с. 33]. Интересно, что, согласно буддийской философии, Мара опасен человеку только до тех пор, пока сам человек это дозволяет. Однако никто не отказывается от его искушений, именно поэтому для И.А. Бунина «страшна жизнь» [3, 8/21. VI. 21. Париж] и «опротивел человек» [4, с. 187].

В 1921 году Иван Алексеевич, действительно, чувствовал некое отчуждение от мира, апатию, творческую опустошённость: «эти последние проклятые годы, может быть, уже погубившие меня, – мучения, порою отчаяние – бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, – хотя зачем это? – и попытки пренебречь этим» [3, 27 Окт.-9 Ноября 1921 г.]. Такое трагическое мироощущение нашло выражение

в ряде небольших произведений, которые «пронизывает чувство одиночества, полнейшей изоляции человека от ему подобных» [7, с. 364]. При этом рассказы 1921 года затрагивают ключевые для творчества И.А. Бунина темы смерти и Родины, которые в начальный период эмиграции для писателя оказываются почти идентичными.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Дневник 1917-1918 гг. // Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 29-90.
2. Бунин И.А. Дневник 1919 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-12.htm> (дата обращения: 14.01.2021).
3. Бунин И.А. Дневник 1921 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-13.htm> (дата обращения: 13.01.2021).
4. Бунин И.А. Окаянные дни // Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 90-251.
5. Бунин И.А. Солнечный удар: сборник. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
6. Волков А.А. Проза Ивана Бунина. – М.: Московский рабочий, 1969. – 448 с.
7. Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... – М.: Центрполиграф, 2002. – 491 с.
8. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин. Очерк творчества. – М.: Наука, 1966. – 175 с.
9. Самсонов А. Железный Хромец и его империя [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 8 апреля 2016. – URL: <https://topwar.ru/93651-zheleznyu-hromec-i-ego-imperiya.html> (дата обращения: 15.01.2021).

3.2. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ (ШАБРАНСКОЙ) КОПИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АХМАДА БИН ХАСАНА ЧАРПАРДИ "ШАРХ АШ-ШАФИЯ ФИТ-ТАСРИФ"

Севиндж Бахрам кызы Байрамова

*Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт рукописей имени Мохаммада Физули,
Азербайджан, г. Баку*

TEXTOLOGICAL ANALYSIS OF THE AZERBAIJAN (SHABRAN) COPY OF AHMAD BIN HASAN CHARPARDI'S WORK "SHARH ASH-SHAFIYA FIT-TASRIF"

Sevindj Bayramova

*National Academy of Sciences of Azerbaijan
Institute of Manuscripts named after Mohammad Fuzuli,
Azerbaijan, Baku*

Аннотация. Среди работ, написанных в области арабской лингвистики в средние века, произведение азербайджанского ученого Ахмада бин Хасана Чарпарди «Шарх аш-Шафийа фит-Тасриф» было выбрано из более чем 80 комментариев на «Шафийа» Ибн Хаджиба, и всегда привлекало внимание ученых. Ученый всесторонне раскрыл тематику морфологии, которые Ибн Хаджиб собрал под двадцатью пятью основными заголовками. В результате получилась замечательная работа, но не комментарии, а новые научные представления. Работа многократно публиковалась как независимо, так и с другими комментариями. Десятки рукописей этой работы хранятся в институтах, музеях и библиотеках по всему миру. Восемнадцать рукописей произведения хранятся в Институте рукописей имени М.Фузули НАНА. В статье как основную мы взяли копию, переписанную Амалом бин Молла Шариф бин Молла Юсифом в Шабране, в медресе Муллы Эйюба Эфенди (ум. в 1125г. по хиджру / в 1713 г.) и предоставили как научно-палеографическое описание,

так и текстологическое исследования. Во время текстологического исследования мы постарались подробно раскрыть результаты, исследовав копию как по отдельности, так и в сравнении с другими копиями. В этой статье мы попытались разъяснить значения средневековых текстологических символов, использованных в рукописи.

Abstract. Among the works written in the field of Arabic linguistics in the Middle Ages, the work of the Azerbaijani scholar Ahmad bin Hasan Charpari "Sharh al-Shafi'i fit-Tasrif" was selected among more than 80 comments on Ibn Hajib's "Shafiya" and has always attracted the attention of scholars. The scholar explained the topics of morphology that Ibn Hajib collected under twenty-five main headings in a broad, comprehensive and clear way. As a result a wonderful piece of work consisting of newer scientific thesis rather than commentary emerged. The work was published many times both independently and with other comments. There are dozens of manuscripts of the work in institutes, museums and libraries around the world.

Eighteen manuscripts of the work are preserved at the Institute of Manuscripts named after M.Fuzuli of ANAS. In the article, we have taken a copy copied by Amal bin Mullah Sharif bin Mullah Yusif in Shabran (1125 / d. 1713) in the madrasa of Mullah Ayyub Efendi and given both a scientific and paleographic description and a textual study. During the textual research, we tried to explain the results of the copy in detail both individually and comparing it with other copies. In this article, we have tried to show not only medieval textual samples used in manuscripts, but also to explain their meanings.

Ключевые слова: Арабская лингвистика, текстоведение, комментарий, рукопись, копия, палеография, текстологическое исследование.

Keywords: Arabic linguistics, textual studies, commentary, manuscript, copy, paleography, textological research.

В средние века комментарий появился на исламском Востоке как новый метод исследования, который раскрывал религиозные и светские науки, а также давал полное разъяснение кратких произведений для легкости их понимания. Данный метод распространился в короткий срок и охватил все научные сферы. *«Даже самые известные произведения классической арабской филологии стали более читаемыми благодаря комментариям и распространились среди читателей, в некоторых случаях шире, чем оригинальная версия произведения, и стали более известными»* [1, с. 246]. Таким образом, комментирование сложилось как область научной деятельности, требующая высоких знаний, опыта и большого профессионализма в различных областях науки,

развиваясь которая привела к появлению новых ценных произведений. Одним из них является работа «Шарх аш-Шафия фит-Тасриф» средневекового азербайджанского ученого Ахмада бин Хасана Чарпарди (ум. в 1346 г.), написанное на «Шафии» Ибн аль-Хаджиба (1175-1249) о разделе морфологии грамматики арабского языка. Среди многочисленных комментариев к произведению самым уступчивым и восприимчивым оказался комментарий Чарпарди. Десятки ученых написали различные комментарии и маргиналии к работе, всегда отличавшейся совершенством.

Если мы обратим внимание на рукописи, сохранившиеся до наших дней, то увидим, что «произведения, имеющие большое научное, историческое и художественное значение, большей частью переписаны» [2, с. 205]. В Институте рукописей имени Мухаммеда Физули Национальной Академии Наук Азербайджана, единственном центре рукописей азербайджанского народа, хранится восемнадцать копий рукописи «Шарх аш-Шафии фит-Тасриф» Ахмада б. Хасана Чарпарди. В статье был проведен научно-палеографический и текстологический анализ копии В-3485 данных рукописей. Это начало и конец произведения.

Начало: نحمدك يا من بيده الخير و الجود... أما بعد فيقول... فخر الملة و الدين أبو عبد الله أحمد بن الحسن الجرجردى... لمل كان كتاب التصريف الذي صنفه الفاضل المحقق... ابن الحاجب... قوله التصريف.

Конец: لأنها بمعناها في الغاية و الأنتهاء و الله أعلم بالصواب و اليه المرجع

Текст произведения написан на бумаге европейского производства черными чернилами относительно толстой прописью насх. В копии представлены сначала основной текст, а затем комментарий, чтобы отделить основной текст от комментария были проведены линии красными чернилами. В тексте в написании слова قوله (гавлуху) были использованы красные чернила. На полях текста имеют место толкования Хаджи Мухаммеда и Сайиди по теме, которые постепенно убывают к концу. Рукописный текст разбит на страницы в восточном стиле. Поскольку страницы 74a-130a копии повреждены, текст в этих частях нечитаем. Копия рукописи была написана Амаль б. Мулла Шарифом б. Мулла Юсуфом в 1125 году по хиджру (1713 г.) во время службы у Казима аль-Хасана в медресе Муллы Эйюба Эфенди в провинции Шабрань. Размер копии 15x20,5 см, объем 205 страниц по 16 строк на каждой странице, обложка коричневая кожа [3, с. 85].

Условные символы текстологии, используемые в текстологии средневекового Востока, в том числе Азербайджана, представляют собой сложную систему, основанную на признаках, напоминающих с арабский алфавит, числа и древние алфавиты. Символы, составляющие эту систему, претерпели большое развитие от появления первых

текстологических источников до XIX века [4, с. 169]. В копии широко использовались средневековые текстологические символы, такие как برر، ع، د، ه، ع، ط، ظ، ب، عط، ه، ع، د، س، بر. Д.С. Лихачев, высоко оценивая условные текстологические символы, писал: «*Эта система знаков - своеобразный язык текстолога, и этот язык должен быть понятен каждому, кто читает напечатанный памятник*» [5, с. 543]. Значения некоторых текстологических символов, используемых в тексте таковы. «صح» (сах) означает правильное написание слова. «^Y» используется, когда из текста выпали какое-либо слово, фраза, предложение или же имеется письменная ошибка. «^Y-صح» эти два знака взаимосвязаны. Таким образом, в тексте, где выпало какое-либо слово, выражение или предложение пишется ^Y, а на полях, рядом со знаком صح пишется выпавшая часть. Например: в B3485.13а в 4-й строке (13^{a/4}) отмечено ما قبلها ^Y فخذ، а на полях как . و ليس صح... . Это указывает на то, что в тексте вместо فخذ должен был быть написан правильный вариант ليس ^Y. «^Y - خ» - показывает различия между разными копиями произведения. Рядом со словом, имеющим отличия в тексте копий, под условным текстологическим знаком ^Y, на полях текста под символами خ или نخ указывается отличный вариант слова из другой копии. Например: B3485.19 ^{a/9}. Над словом خاصن (хАссун) пишется ^Y, а на полях под текстовым знаком خ написано слово مخصوص (махсУсун). Таким образом, в копиях B7492.10^{a/5}, B5562. 14^{b/9}, B2684.14^{a/13} отмечено как مخصوص . « برر » (берар), означающее оправдание, оправдания, исправления и т.д., используется для обозначения на полях текста правильного написания слов, выражений и предложений, написанных неверно. Например: B3485.12 ^{a/12} انتقل من الكسرة ^Y انقال فيه ^Y وان كان فيه ^Y انتقل (ингАл). На полях текста правильная версия слова показана в виде ^Y انتقل برر (интагала) под текстологическими символами «^Y - برر». В копии под шифром B-5562 10^{b/6} данный глагол дается в форме прошедшего времени انتقل (интагала), в копии B-260 13^{b/5} - как инфинитив VIII баба انتقال (интигАлун), в копии B-5695 12^{a/8} в форме винительного падежа انتقالا (интигАлян).

Не все писцы и каллиграфы, переписывавшие произведения средневековых классиков, были грамотными. Наряду с писцами и каллиграфами, обладающими обширными знаниями и навыками в этой области и знающими цену своему искусству, было немало людей, которые ограничившись лишь знанием арабского алфавита, занимались этой работой с единственной целью материального обогащения. В соответствии с требованиями времени они переписывали и распространяли произведения, написанных на восточных, особенно на арабском, персидском и турецком языках, охватывающие отдельные сферы,

исключительно в коммерческих целях. Подобные переписчики делали серьезные и грубые ошибки, механически переписывая, и, не зная языка и содержания произведения, а также его правописания. Различия и ошибки в текстах рукописных копий произведения "Шарх аш-Шафии фит-Тасриф" иногда были вызваны небрежностью писцов, а иногда - тем фактом, что копия была не здоровой. При текстологическом изучении копии произведения, переписанной в Шабранском районе Азербайджана, мы постарались показать некоторые нарушения грамматических правил в тексте на основе примеров.

Нарушение правила согласования в сочетании существительного и прилагательного 35^{b/5} المذكرة علي اربعة Здесь в слове اربعة (арбаа), образующем сочетание существительное-прилагательное, выпал определенный артикль "أل" (аль). Правильная форма написания сочетания существительное-прилагательное как в В-7492. 19^{a/11}, В-260. 34^{a/10}, С-596. 44^{a/4} и др. копиях должна быть الاربعة المذكرة (аль-арбаату-ль-мазкура).

Было нарушено правило согласования в использовании местоимения 3 лица هو (хува) в качестве афикса сказуемости. В-3485. 19^{b/5} القوة عن الطبيعة و هو Здесь, как и в других копиях, правильный вариант должен быть هي (хия).

Нарушение правила согласования имело место и между существительным и глаголом. Например: 152^{b/5} هو مفعل فحذف الزيادة الذي لا يتعلق به Здесь слово الزيادة (аз-зий'Адату) в копиях В-7492. 83^{a/13}, В-5562. 90^{b/8} написано как الزائد (аз-з'Аиду) в правильной версии. Если бы написание слова الزيادة (аз-зий'Адату) было бы правильным, предшествующий ему глагол по правилам согласования должен быть حذفت, а последующий союз должен был быть не الذي, a التي.

В рукописном тексте также встречаются случаи нарушений правил связи между изафетами. Например: в 3^{b/16} جميع الكتاب (джамиу-ль-китаб) - вторая часть изафета الكتاب (аль-китаб) написана неверно. Таким образом, когда слово جميع образует изафет с существительным после себя, вторая часть всегда должна быть во множественном числе (здесь الكتب / аль-кутуб). Таким образом, правильным написанием сочетания должно быть جميع الكتب (джамиу-ль-кутуб), как в В-7492. 3^{a/10}. Есть еще один пример нарушения связи изафета. В первой строке страницы 68а копии (68^{a/1}) сочетание العلم التائيث (аль-илму-т-танис) неверно. Так как, первая часть изафета не принимает артикль (أل). В В-7492.36^{b/17} сочетание علم التائيث (илму-т-ганис) написано в правильной версии.

В копии встречаются и нарушения правил сочетания глаголов в соответствии с родом. Например: 5^{a/9} هي العوارض التي يلحقها Здесь правильным является вариант глагола تلحقها в форме муаннас (женского рода),

в копиях В-7492. 3^{b/16}, В-260. 7^{a/14}. Вот еще пример нарушения правил сочетания: 44^{a/12} *الالف يلحق و انها لم يلحق*, здесь глагол, данный в настоящем времени третьем лице единственном числе мужском роде *يلحق* (ялхагу) в других копиях В-7492. 24^{a/24}, В-260. 42^{b/12}, В-5695. 48^{b/15} дан в правильной форме *تلحق* (талхагу) женского рода *وانها لم تلحق* .

В тексте также встречаются примеры использования глаголов в различных временных формах. Например: в 19^{b/16} *وجد المثل و لم يضموا في المثال* *وجد* (ваджада) дан в прошедшем времени, в копии В-1930 (31^{b/7}) как *يَجِدُ* (яджиду) в настоящем-будущем времени. Следующим можно отметить использование в копиях действительной и страдательной форм глаголов. Таким образом, на 4-й строке копии 45b (45^{b/4}) *ان قرأ بالياء* глагол *قرأ* (гараа) дан в действительном залоге, в копиях же В-7492. 24^{b/9}, В-260. 43^{a/6}, В-5695. 49^{a/13} указано как *قُرئ* (гуриа) в страдательном залоге. В копиях имеет место также использование глаголов в различных породах (бабах). Например: в копии 157^{b/16} *فَغَيَّرُوا* глагол *غَيَّرُوا* (гайяру) дан во множественном числе мужского рода II баба прошедшем времени, а в копии В-5562 (93^{a/7}) как *تَغَيَّرُوا* (тагайяру) в форме множественного числа мужского рода V баба прошедшего времени.

При текстологическом изучении рукописей, являющихся средневековыми письменными памятниками, в процессе изучения и исследования допустимых в копиях искажений различного характера, причин их возникновения в приоритете всегда было ответственное отношение к работе.

Список литературы:

1. Байрамова С.Б. Бакинские рукописи «Шарх аш-Шафия» Ахмеда ибн Хасана Чарпарди // Известия Национальной Академии Наук Азербайджана, Баку: Эльм, 2017, № 1, с. 84-87.
2. Магеррамов Т. Научно-критический текст поэмы Амира Хосрова Дехлеви «Матлау-л-Анвар», его текстологическое и филологическое исследование: (в сравнении с "Махзану-ль-асрар" Низами и подобных произведений XIII-XVII веков) / докторская диссертация по филологии / - Баку, 1974. - 395 с.
3. Мамедалиев, В. Арабское языкознание / В. Мамедалиев-Баку: Маариф, - 1985.- 285 с.
4. Сасани Ч. Натуралистско-литературные философские мысли в средневековой азербайджанской поэзии / Ч. Сасани. - Баку: Эльм - 2007.-270 с.
5. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII веков) / Д.С. Лихачев. - Москва; Ленинград: Наука, - 1983. 605 с.

РАЗДЕЛ 4.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

НАРЕЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ И НАРЕЧИЯХ НАХИЧЕВАНИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Мамедова Шакар Эйвали гызы

*диссертант Нахичеванского Отделения
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Нахичевань*

Аннотация. В статье исследуются вопросы изучения фразеологических единиц в диалектах и наречиях азербайджанского языка, в том числе в диалектах и наречиях Нахичевани. Здесь говорится о наречных сочетаниях, которых мало по сравнению с отглагольными существительными, отражения фразеологизмов в диалектах и наречиях Нахичевани, о группировании фразеологических единиц по обозначению обстоятельства образа действия, о фразеологических единицах, обозначающих время, место и количество. На основе фактологического материала автор привлек к исследованию употребление наречных фразеологических единиц в наречиях Шарур, Шахбуз, Бабек, Нахичевань, Джульфа, Ордубад, Зейве, Хурс, Ашагы Гышлаг, Гараджуг, классификацию наречных фразеологизмов по эквивалентности (полную и неполную эквивалентность). В конце обращается внимание на преобладание неполных эквивалентных фразеологизмов в примерах при анализе эквивалентности наречных фразеологических единиц.

Ключевые слова: Нахичевань; фразеологические единицы; диалект; наречие; наречные фразеологические единицы; эквивалент; полный; неполный

Исследование фразеологизмов в диалектах и акцентах. Диалекты и акценты азербайджанского языка в азербайджанской лингвистике были изучены с разных сторон и проанализирован ряд научных вопросов, также были написаны ценные научные статьи и работы в области лингвистики. Однако впервые столь широко изучен научно анализ фразеологизмов в лексике диалектов и акцентов, особенно в нахичеванских диалектах и акцентах. Изучение коммуникативных фразеологизмов в диалектах и акцентах – один из способов борьбы с архаизацией диалектов, отражающих биографию народа, влияние различных элементов. Диалекты и акценты азербайджанского языка, отражающие тысячелетние события в судьбах народа, выступают живым и надежным источником в прояснении многих спорных вопросов. Как отмечал Х. Гасанов: «Для современного литературного языка диалекты необходимо изучать разными способами: 1) для понимания процесса исторического развития языка; 2) изучить способы образования на основе того или иного диалекта; 3) определять взаимосвязь между историей народа и историей языка; 4) понимать разнообразие звуков и форм слов в современном языке» [5, с. 283]. В связи с этим изучение фразеологии не должно ограничиваться литературным языком, но также диалектами и акцентами. Мы должны с сожалением констатировать, что очень мало научных исследований, работ и статей о диалектах и акцентах затрагивали проблему фразеологии и подходили к ней поверхностно. Здесь можно упомянуть таких лингвистов, как Н. Исламов, М. Чобанов, Б. Ахмадов, Н. Гасанова. Статья Н. Исламова «Фразеологические соединения» на материале нухинского диалекта (1957), работа М. Чобанова «Словарь болнисских диалектов» (1997), работа Б. Ахмадова «Мингячевирские диалекты азербайджанского языка» (1965), Н. Гасанова в диссертации «Словарь евлахских диалектов азербайджанского языка» (2010) затронула область фразеологии. В других диалектах и акцентах фразеология не упоминается. Изучение фразеологизмов диалектов и акцентов покажет нам, насколько богата устная форма нашего языка. «Шива смотрит на то, что происходит вокруг него, с новой точки зрения, и он проверяет каждую форму интеллекта и находчивости. Диалект создает ясную картину, он оживляет скучный предмет и передает полезный штрих или удивление для слушателя. Шива увеличивает близость, потому что позволяет говорящему затронуть самые деликатные моменты, поговорить с собеседником даже о самых личных вопросах» [8, с. 118].

Наречные фразеологизмы в нахчыванских диалектах и акцентах

Помимо лексических единиц в диалектах и акцентах, сбор фразеологизмов, их участие в исследованиях и их научный анализ являются ключевым фактором в расширении области исследований во фразеологии, увеличении словарного запаса литературного языка.

В азербайджанской лингвистике наречные соединения не так богаты, как другие соединения – соединения существительного и глагола, поэтому эти соединения не изучались так широко, как соединения существительных и глаголов, как будто они были затенены. Юсиф Сеидов, Газанфар Казимов и другие из ассоциаций наречий, которые наши лингвисты упоминали в своих учебниках. Юсиф Сеидов пишет о наречиях: «Ключевым словом для наречий является наречие. Хотя эти соединения менее развиты, чем соединения других типов, наречие, которое в них является ключевым словом, придает этим соединениям (наречиям) особое качество, которое также заставляет их упоминать как отдельное словосочетание» [11, стр. 182]. Говоря о сочетаниях наречий, Газанфар Кязимов дает следующее объяснение: «Сложности, основная сторона которых состоит из наречий, называются наречиями. Этот тип словосочетаний не так богат, как не так богаты словосочетания существительных и глаголов по структурным моделям, и по своей грамматической природе имя ближе к составным» [7, с. 62].

Похоже, взгляды обоих лингвистов на сочетания наречий совпадают. В учебнике «Основы фразеологии азербайджанского языка» Гусейна Байрамова с фразеологической точки зрения он пишет под заголовком «фразеологические соединения с наречным значением»: «Определенная часть фразеологизмов азербайджанского языка», указывая на стиль, время, количество и т. д. действия, ситуацию в глаголе в положении сказуемого предложения, означает ту или иную форму наречия и, соответственно, действует как соответствующее наречие в предложении. Некоторые из них органически связаны со значением глагола в предложении, имеющих наречные функции, например, постоянная комбинация наполнения рта с речевыми глаголами вроде сказать, говорить и т.д. Другая часть не связана с глаголами от одной смысловой группы, но к глаголам из нескольких смысловых групп. Например, фразеологизм внезапно употребляется в смысле как с речевыми глаголами (скажем, крик, крик и т.д.), Так и с глаголами работы, действия, ситуации, (ударить, лечь и т.д.)»[3, п. 116].

Классифицируя фразеологизмы в лексико-грамматическом аспекте, Х. Бахшиев пишет, что наречные фразеологические единицы называют наречными фразеологическими словосочетаниями: «Наречные фразеологизмы также выражают знак действия или знак как наречие, в том числе функцию наречия» [2, п. 65, с. 77-78].

Выражая положительное отношение к этим взглядам, З. Исмаил пишет: «Мы также придерживаемся того мнения, что, хотя название наречных соединений входит в состав соединений, их неопределенное название целесообразнее анализировать как отдельную группу, вне союз»[6, с. 13].

В тюркологической лингвистике фразеологические единицы классифицируются многими лингвистами в соответствии с их лексическими и грамматическими особенностями следующим образом: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Здесь можно показать лингвистов, возглавляющим этот отдел, Ч.К. Сайфуллина [12, с. 30-36], З.К. Ураксин [15, с. 48-64], В.У. Макспиров [13, с. 93-94], М.А. Сулаймонова [14, с. 30-31].

В своем исследовании Н. Сеидалиев пишет, что наречная фразеология называется «фразеологизмом наречной функции»: «Из изучения языка азербайджанских эпосов и сказок видно, что в фольклоре использовались некоторые фразеологические сочетания, они обозначают стиль, время, место, количество и т. д. действия, а также означает наречие. Например, фразеологическое сочетание - стиль, время ночи - время, между двумя камнями - место, а когда глаз работает - количество и проявляется как наречие» [10, с. 105-106].

Автор группирует фразеологизмы, выражающие наречие, по их грамматическому значению следующим образом:

1. Фразеологические соединения, обозначающие понятие наречия образа.
2. Фразеологические соединения, обозначающие понятие времени.
3. Фразеологические соединения, обозначающие понятие места.
4. Фразеологические соединения, обозначающие понятие количества [10, с. 106].

Н. Сеидалиев подтверждает это мнение со ссылкой на следующие примеры: «Добровольно-любезно. Дайте мне этого ребенка по собственному желанию («Сказание о Насире и Насдаре») [10, с. 106]; когда есть на улицах никого - когда нет движения, все идут домой. Да, вечером, когда все разошлись по домам, они уехали из города. («Качаг Наби») [10, с. 108]; Под рукой (поворачивает вокруг) - рядом. [Везье:] Киблайи-алем, давайте возложим на него легкую ответственность за то, что он рядом с нами, (Сказка об Александре, знавшем язык птиц.) [10, с. 108]; в размер бороды - совсем близко, недалеко. [Ходжа Маил:] Его сын недалеко от Тебриза и Тифаргана, размером с бороду» (дастан «Аббас и Гулгас») [10, с. 109].

При изучении фразеологизмов нахчыванских диалектов и акцентов как объекта исследования, как отмечал Х. Байрамов, «фразеологизмы с наречным значением» целесообразнее было бы давать наречие под

названием фразеологизмов, особенно второго типа определения проявляется в виде словосочетаний, и указывает знак и время действия:

Око света (Шарур) - до наступления темноты, наступает весна (Шахбуз) - конец марта, нахир стопа (Шахбуз) - вечер, конский сундук, на коне - торопливо, один гавур (Шарур) - после некоторое время, под властью бога (Шахбуз), в узкий промежуток времени (Бабек, Нахчыван) - ближе к вечеру; эгили тайм (Шарур) - перед темнотой; даже сейчас (Нахчыван, Ордубад) - сейчас; вперед время (Шахбуз) - раньше; черная весна (Джюльфа, Ордубад) - начало весны; лицом к лицу - с глазу на глаз (Бабек, Нахчыван) - без раздумий и так далее.

Пойдем пред темнотой (Шарур); он не входит в землю в полночь; (Гарачук) - Выходи из кривого времени, будет поздно (Зейва); Взбиваем мясо о камень и готовим в каменной печи (зюрс); Незадолго до этого было много племен (Ашаги Гишлак); Лицом к лицу - глаза в глаза ложь мне, ему совсем не стыдно (Гарачуг). Хотелось бы, чтобы под Богом был человек, который дал бы хороший урок (Шахбуз).

Классификация наречных фразеологизмов в нахчыванских диалектах и акцентах по их эквивалентности. В нахчыванских диалектах и акцентах наречных фразеологизмов меньшинство, как и в литературном языке. Как видно из примеров, в состав наречных фразеологизмов входят существительные, прилагательные, числа и так далее, хотя он состоит из разных частей речи, эти соединения образуются как наречие и имеют больше стиля-действия, времени, количества, места содержания, чем типы значений наречия.

Наречные фразеологизмы, которые по количеству и структуре отличаются от других фразеологизмов. Нахчыван также является небольшой частью фразеологизмов в диалектах и акцентах. Эту группу можно классифицировать по эквивалентности фразеологизмов следующим образом:

Полностью эквивалентные наречные фразеологизмы

Семантика входящих в эту группу фразеологизмов в литературном языке и нахчыванских диалектах и акцентах, лексический состав и стилистические оттенки одинаковы: настоящее время (Нахчыван, Ордубад) - сейчас и так далее.

Это село в настоящее время объединено с городом Агдам [4, с. 66].

Он до сих пор не бросает мать (Нахчыван)

Неполные эквивалентные фразеологизмы наречий. Лексико-семантические и стилистические аспекты входящих в эту группу фразеологизмов в литературном языке и нахчыванских диалектах и акцентах являются частично разными фразеологизмами: глаз света (Шарур) – до наступления темноты, приближается весна (Шахбуз) - конец марта,

нахир стопа (Шахбуз) - вечер, сундук коня, на коне - торопливо, один хавур (Шарур) - через некоторое время, под властью бога (Шахбуз), в узкий промежуток времени (Бабек, Нахчыван) - ближе к вечеру; эгили тайм (Шарур) - перед темнотой; вперед время (Шахбуз) - раньше; черная весна (Джюльфа, Ордубад) - начало весны; лицом к лицу - с глазу на глаз (Бабек, Нахчыван) - без раздумий и так далее.

Велибей. Эй, иди и возьми, эй! Раньше я однажды вечером прогуливался по улице [1, с. 101]. Прощаемся, когда придет время (Аразин).

С большой энергией Наркомат образования начал восстанавливать сгоревший театр, ранее находившийся в частной собственности миллионера Тагиева [4, с. 369].

Он часто приходил и уходил. (Шахбуз)

Действительно, раскаявшийся царь ухватился за рыбу. Но рыбу не постеснялся приказать эмиру: [9, с. 279].

«Ей не стыдно, она лжет мне, лицом к лицу». (Зейнаддин)

Исследование эквивалентности фразеологизмов в нахичеванских диалектах и акцентах показало, что фразеологизмы с полным и неполным эквивалентами имеют преимущество. Очень редко встречаются аналоговые фразеологизмы. Этот тип фразеологизмов можно отнести к богу (Шахбуз), можно показать лицо (Джюльфа, Нахчыван) и так далее.

- Богом клянусь, что больше никогда такого не сделаю (Шахбуз)
- Ведь ему было стыдно говорить (Джюльфа).

Исследование эквивалентности фразеологизмов, употребляемых в нахичеванских диалектах, и ударений в литературном языке показывает, что эта эквивалентность является полной и неполной, и выявляет связь между ними. Фактически, уровень взаимозависимости между диалектами и языками и литературным языком, степень взаимозависимости, самое главное, изучение эквивалентности в возникновении сходств и различий между ними важны в этом отношении.

Список литературы

1. Axundov S.S. Selected works. / S. Akhundov. - Baku: East-West, - 2005. - 447 p.
2. Bakhshiyev H. Comparison of Azerbaijani and Russian phraseology and principles of compiling phraseological dictionaries: / doctor of philological sciences thesis. / - Baku, 2004. - 274 p.
3. Bayramov H. Basics of phraseology of the Azerbaijani language / H. Bayramov. - Baku: Maarif, - 1978. - 176 p.
4. Hagverdiyev A. Selected works. [In 2 volumes] / A. Hagverdiyev. - Baku: Lider Publishing House, - v. 2 - 2005. 408 p.
5. Hasanov H.A. Lexicon of modern Azerbaijani language / H.A. Hasanov. - Baku: Nurlan, - 2005. - 451 p.

6. Ismail Z.H. Indefinite noun compounds in the Azerbaijani language: / Doctor of Philosophy in Philology dis. / - Nakhchivan, 2011. - 150 p.
7. Kazimov Q.Ş. Modern Azerbaijan language. Syntax / Q.Sh.Kazimov. - Baku: Education Publishing House, - 2007. - 494 p.
8. Potter S. Our Language / S.Potter. - Baku: Prestige printing house, - 2014. - 168 p.
9. Rahimov S. Selected works: [in 2 volumes] / S. Rahimov. - Baku: East-West, - v. 1. - 2005. - 288 p.
10. Seyidaliev N.F. Phraseology of Azerbaijani saga and fairy tale language: / doctor of philological sciences thesis / - Baku, 2007. - 273 p.
11. Seyidov Y.M. Phrases in the Azerbaijani language / Y.Seyidov. - Baku: Baku University Publishing House, - 1992. - 408 p.
12. Saifullin Ch.G. Phraseological units and their classification // Questions of phraseology. - Samarkand: Ed. Samark.un-ta, - 1961 .- p. 27-36
13. The structure of the Uyghur language / A.T. Kaidarov, T.T. Talipov, V.U. Makhpirov [and others], Otv. Ed. G.S. Sadvakasov; Academy of Sciences Kaz.SSR, Institute of Uygur Studies. - Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR, - 1989 .- 470 p.
14. Sulaimonova M.A. Phraseological units of the qualitative characteristics of a person in the German and Uzbek languages: / thesis, candidate of philological sciences / - Khujand, 2005 .- 162 p.
15. Uraksin Z.G. Phraseology of the Bashkir language / Z.G. Uraksin. - Moscow: Science, - 1975 .- 193 p.

4.2. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ БАЗОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Жегалина Ольга Кареновна

ассистент

*кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей,
ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье осмысливается роль медиадискурса в формировании и трансляции экономических ценностей. Уточняются понятия «экономический дискурс», «экономический медиадискурс», «экономические ценности». В качестве основных ценностных доминант экономического медиадискурса установлены концепты ПОТРЕБНОСТЬ, ПРИБЫЛЬ, ДОХОД, СОБСТВЕННОСТЬ, которые образуют аксиосферу экономического медиадискурса.

Ключевые слова: экономический медиадискурс, экономические ценности, концепт, ценностные доминанты.

Важную роль в формировании и трансляции ценностных ориентиров, норм и стереотипов играют средства массовой информации. Постиндустриальный этап развития цивилизации обусловил трансформации ценностной системы человека. Как отмечает Т.А. Присяжнюк, «аксиологическая составляющая дискурса СМИ отражает ценности общества в целом, а также ценности отдельных социальных кластеров (например, информирующего органа). Не вызовет противоречий утверждение, что ценности и нормы не только транслируются СМИ, а зачастую навязываются массовому получателю (однако стоит отметить, что речь идёт не только о пропаганде, но и о скрытых методах воздействия)» [8, с. 109].

Исследования ценностей в языке и дискурсе привело к возникновению понятия «ценностная картина мира» (ср. языковая картина мира), которая состоит из совокупности концептов, актуализирующих ценностные установки личности и общества. Т.В. Маркелова отмечает, что аксиологичность является как имманентным свойством газетно-публицистического текста [6].

Медиадискурс отражает медийную картину мира, которая «отражает процессы постоянного изменения политической, экономической, социальной и культурной реальности, становящейся все более комплексной, информационно насыщенной и сложной для восприятия и описания» [9, с. 58]. Как отмечает С.В. Мошева, «аксиологические и гносеологические обоснования построения дискурса массмедиа являются достаточно значимыми, поскольку отвечают за базовые понятия восприятия информации – истинность транслируемых фактов, ценностные ориентиры и особенности их иерархии, условия адаптации в обществе и т. д.» (7, с. 72). Как отмечает М.С. Яницкий, «современные СМИ не столько формируют, сколько лишь закрепляют ценностные предпочтения, поскольку неограниченный сегодня выбор канала получения, формы и содержания информации обусловлен уже имеющимися ценностями» [11, с. 2]. При этом «такое «закрепление» может способствовать фиксации на определенном уровне развития ценностной системы. В этом смысле можно говорить о двусторонней взаимосвязи ценностных и массово-коммуникационных ориентаций» [Там же: 2].

Ценности как категория аксиологии, представляя собой объекты окружающего мира, могущие удовлетворить требования (потребности) человека, тесно связаны с потребностями, духовными и материальными ценностями. Согласно классификации Н.И. Лапина, ценности выделяются по следующим критериям: «1) по предметному содержанию (духовные и материальные, социальные, экономические, политические и пр.); 2) по роли в жизнедеятельности индивида (инструментальные и терминальные); 3) по функциональной направленности (интегрирующие и дифференцирующие, одобряемые и отрицаемые); 4) по потребностям личности (смысложизненные, социализационные, витальные) 5) по типу цивилизации (ценности модернизированного общества, ценности обществ традиционного типа)» [4, с. 7]. В рамках данной статьи нас интересуют экономические ценности.

Экономика, являясь важнейшей частью существования социума, охватывает все сферы жизнедеятельности человек, влияя на культуру и язык. Как справедливо отмечает Л.Ю. Буянова, экономика «принципиально отличается от точных и естественных наук тем, что она имеет дело не просто с отдельным человеком, а с членом социума, подверженным воздействию культуры, традиции, национального менталитета, правовых и социально-политических институтов» [2, с. 62]. Экономика – это «наука о выборе наиболее эффективных (рациональных) способов использования ограниченных экономических ресурсов с целью удовлетворения безграничных и постоянно меняющихся потребностей людей и реализации соответствующих им ценностей» [5, с. 71].

Экономическая аксиология изучает экономические ценности, проблемы общественной и прагматической полезностей, отражения экономических интересов в экономико-ценностных отношениях. Как отмечает Д.Е. Любомиров, к экономическим ценностям относятся стоимость, потребительная стоимость, полезность, эффективность и др. «Следует обратить внимание на особую значимость этого раздела философии экономики, поскольку экономическая жизнь аксиологична – экономическое бытие пронизано ценностными отношениями. В настоящее время в философии экономики особо выделяется аксиология экономики, выявляющая проблему смысла экономической (хозяйственной) деятельности, проблему сущности экономической свободы, образующей фундаментальное основание свободы человека в целом» [5, с. 82].

Анализ научной литературы позволил прийти к выводу о том, что экономический медиадискурс является институциональным дискурсом, который образован на основании взаимодействия двух институциональных дискурсов: экономического и медийного. Системообразующими признаками экономического медиадискурса являются цель, которая заключается в освещении и трансляции знаний в сфере экономики, финансов и бизнеса, и участники – журналисты, специалисты в данной области.

Следует отметить, экономический медиадискурс обладает особенностями как институционального, так и лично-ориентированного типа дискурса. По мнению О.А. Тремаскиной, «среди основных его характеристик выделяют открытость, доступность, метафоричность, стабильность тематики. Экономический медиадискурс рассматривается как семиотическая система со своей специфической картиной мира, концептами, функциями и целями, как лингвокогнитивный феномен, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность» (10, с. 50). По ее мнению, экономический медиадискурс функционирует на базе концептов «экономика», «финансы», «предприятие», «покупатель», «товар», «спрос», «предложение» и др. [10, с. 51].

Т.А. Евтушина и Н.А. Ковальская отмечают, что «доминантой экономического дискурса выступает экономический текст, служащий средством коммуникации в экономической сфере и обладающий определенными особенностями в зависимости от контекста и адресованности реципиентам» [3, с. 44].

Основная задача экономического медиадискурса заключается в объективном освещении тематики, связанной с экономической сферой жизни страны, соблюдая при этом принципы достоверности, аналитичности и компетентности. Но вместе с тем необходимо отметить аксиологическую направленность медиатекстов, посвященных экономике,

бизнесу и финансам. В экономическом медиадискурсе как институциональном дискурсе отражаются не только ценности «субъективно-объективного опыта определенного профессионального сообщества, обладающего своей собственной типичной моделью вербального поведения» [1, с. 65], но и ценности лингвокультуры.

В экономическом медиадискурсе ценности определяются ролью и функциями денег в жизни человека как важнейшего показателя финансово-материального обеспечения. В экономическом медиадискурсе актуализируются материальные ценности, а система ценностей отражается в концептуальной картине мира. Например: *В основе ценностей и бизнес-процессов Газпромбанка лежит концепция устойчивого развития: по итогам 2020 года объем инвестиционных проектов с оцененным экологическим и социальным эффектом составляет более 700 млрд руб. по капитальным затратам. По данным отчетности МСФО, активы Газпромбанка по итогам первого полугодия 2021 года оцениваются в 8 трлн руб., а нормализованная чистая прибыль в первые шесть месяцев составляет 76,1 млрд руб.* [12].

Основными ценностными доминантами экономического медиадискурса являются такие концепты как **ПОТРЕБНОСТЬ, ПРИБЫЛЬ, ДОХОД, СОБСТВЕННОСТЬ**. Данные концепты образуют аксиосферу (аксиологическую концептосферу) экономического медиадискурса.

ПОТРЕБНОСТЬ: *Чтобы обеспечить потребности экономики в кадрах, Минтруд перестраивает модель центров занятости: вводятся услуги по карьерному консультированию, разрабатываются сервисы по перспективному мониторингу рынка труда, моделированию прогнозов кадрового спроса и оценки востребованных навыков* [13].

ПРИБЫЛЬ: ... для любого бизнеса **извлечение прибыли – одна из основных задач**, но она может быть построена на потребительском восприятии, а может – на взгляде в будущее [14].

ДОХОД: *Российская экономика развивается более быстрыми темпами, чем ожидало правительство. «Бюджет пополняется более высокими объемами доходов. В этом году мы оцениваем дополнительные доходы плюс-минус 1,6-1,7 трлн руб.», – заявил глава Минфина Антон Силуанов в интервью телеканалу «Россия 24»* [15].

СОБСТВЕННОСТЬ: *Кроме этого, несмотря на обсуждение самой темы прав собственности экономистами минимум с XVIII века, пока сильно дальше констатации того, что эти права на деле являются «пучком» разнородных по природе прав (это, в частности, отмечал в статье 2008 года Армен Алчян), которые имеет смысл анализировать в том числе отдельно, экономисты не уходили, хотя и предпринимали попытки анализа влияния отдельных «прав» из этого «пучка» на экономику* [16].

Выводы. Экономический медиадискурс представляет собой конвергенцию экономического дискурса и дискурса СМИ и является одним из типов институционального дискурса. Экономический медиадискурс отличается сочетанием характеристик научного и научно-популярного стилей. Основная цель экономического медиадискурса заключается не столько в ознакомлении читателя с событиями и новостями из сферы экономики и бизнеса, а сколько в воздействии на массового адресата путем формирования и трансляции базовых экономических ценностей.

Список литературы:

1. Аракелова А.Р. Лингво-аксиологические характеристики современного англоязычного дискурса моды: дисс. ... канд. филол. наук: Пятигорск, 2017. – 222 с.
2. Буянова Л.Ю. Семиотика и прагматика современного русского финансово-экономического дискурса // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: колл. монография под редакцией Л.Н. Михеевой. – Иван. гос. хим.-технол. ун-т. – 359. – С. 56-66.
3. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №6 (335). – С. 42-46.
4. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Академическая трибуна, 1996. – С. 3-23.
5. Любомиров Д.Е. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов всех направлений подготовки / Д.Е. Любомиров, С.О. Петров, О.В. Сапенко. – СПб.: СПбГЛТУ, 2018. – 116 с.
6. Маркелова Т.В. Аксиологичность как имманентное свойство газетно-публицистического текста // Язык и стиль современных СМИ: межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию проф. Н.С. Валгиной. М.: МГУП, 2007. – С. 231-238.
7. Мощева С.В. Аксиологический и гносеологический аспекты массмедиального дискурса / С.В. Мощева // Изв. высш.учеб. заведений. Сер. : Гуманит. науки. – Иваново, 2017. – Т. 8, вып. 1. – С. 72-75.
8. Присяжнюк Т.А. Исследование элементов аксиологической составляющей дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. –С. 107-112.
9. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 : Барнаул, 2003. – 430 с.
10. Тремаскина О.А. Моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе: дисс. ...канд филол. наук / Саранск, 2020. 196 с.
11. Яницкий М.С. Особенности массовокоммуникационных предпочтений в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы / М.С. Яницкий // Вестник Кемеровского государственного университета. – № 2 (22). – 2005. – С. 195 -198.

12. Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/4997272>
13. Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc>
14. Электронный ресурс
https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/09/27/vserossiiskii-forum-nauka-i-obrazovanie--dlya-ustoichivogo-razvitiya-proshel-v-severnoi-stolitse
15. Электронный ресурс <https://www.vesti.ru/finance/article/2604588>
16. Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/4529020?query>

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА ГЕРОИНИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Купавская Алла Александровна

*искатель кафедры общего языкознания
Адыгейского государственного университета,
РФ, г. Майкоп*

THE MAIN LINGUISTIC FEATURES OF THE TRADITIONAL TYPE OF HEROINE IN LITERARY TEXTS OF THE 19TH CENTURY

Alla Kupavskaya

*Applicant for the Department of General Linguistics
Adyge State University,
Russia, Maykop*

Аннотация. В статье репрезентируются речевые особенности героинь традиционного типа. Анализируются важные аспекты моделирования художественного концепта «героиня», составляющие описание речевых особенностей и манеры поведения героини «традиционного типа». Установлено, что лексический корпус героинь рассматриваемого типа всегда наделен добродетелями и талантами, также транслирует особенности русского национального характера.

Abstract. The article presents the speech characteristics of the heroines of the traditional type. The article analyzes important aspects of modeling the artistic concept "heroine", which make up the description of the speech

characteristics and demeanor of the heroine of the "traditional type". It has been established that the lexical corpus of the heroines of the type under consideration is always endowed with virtues and talents, and also translates the features of the Russian national character.

Ключевые слова: женский тип языковой личности; лингвистическая классификация типов героинь; героиня традиционного типа; речевые особенности героинь традиционного типа.

Keywords: female type of linguistic personality; linguistic classification of character types of heroines; traditional heroine; speech features of a traditional heroine.

Отечественное языкознание, философская традиция и русская литература не дают четкого и устойчивого описания женского идеала как языковой личности. Суждения о воплощении идеала в женском характере как языковой личности, нравственном облике, внешности, разумеется, различны, противоречивы, часто тяготеют к антиномиям, никогда не бывают однотипны, что, конечно, является следствием индивидуальных предпочтений, общественных и личностных установок философов и писателей. Однако необходимо отметить, что некоторые основополагающие аспекты, восходящие, прежде всего, к архетипическим представлениям о женском начале, все же сохраняют свою популярность не только в XIX в., но и XX – XXI вв.

Схематичность характеристик конкретного женского типа языковой личности вовсе не является свидетельством исчерпанности классификаций: не существует системы, которая могла в полной мере манифестировать и способствовать описанию индивидуальной специфики конкретной языковой личности.

На наш взгляд, лингвистическая классификация типов героинь русской классической литературы наиболее убедительна и подтверждена анализом особенностей каждого типа у В.Н. Кардапольцевой [3]. Кроме того, именно благодаря опоре на данную классификацию осмысление художественного концепта «героиня» приобретает необходимую доказательность и обоснованность, что определяет и перспективность изучения воплощения женского начала в художественных текстах в различных аспектах современной гуманитарной научной парадигмы.

В.Н. Кардапольцева выделяет три основных типа женщин: «В зависимости от ценностных ориентаций женщин (российских в частности), в зависимости от их отношения к участию в общественно полезном труде, от их ориентации по отношению к дому, семье, от их социальной роли жены и матери, от их воззрений на возрождение традиционных патриархатных отношений, можно выделить три основных типа: традиционные, героини, демонические» [3, с. 55].

Разумеется, любой из выделяемых типов характеризуется определенными особенностями, однако применительно к художественным текстам существуют определяющие качества, которые и будем в дальнейшем считать доминантными в моделировании типов, характеризующих художественный концепт «героиня».

Традиционный тип героини в русской классической литературе имеет различные репрезентанты, при этом ядро концепта «героиня» в данном случае составляют следующие качества характера: самоотверженность, терпение и смирение, скромность и кротость.

Роль и предназначение женщины, рассматриваемые в научных источниках и художественной словесности разных эпох и народов с традиционно патриархальных позиций, зачастую приводят авторов к выводу о том, что женщина не имеет свойств субъекта, не может выступать как активная действующая сила, у нее отсутствует инициатива, деятельностные интенции ей не знакомы.

Традиционный тип героини сохраняет свою популярность ввиду того, что писатели XVIII – XIX вв. в преобладающем количестве – мужчины, апеллирующие к традиционным ценностям. Именно поэтому можно с уверенностью утверждать, что именно традиционный тип репрезентирует доминанты лингвокультурного компонента художественного концепта «героиня». Женский идеал, утверждаемый А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, был, конечно, освящен православием. В этой связи весьма показательна позиция В. Розанова: «Как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель, - так главная добродетель в женщине, «семьянинке и домоводке», матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это те, которых помнят; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого» [6, с. 37]. Именно таковы основные признаки традиционного типа героини, который мы встречаем в художественных текстах исследуемого периода.

Художественные тексты XIX в. обнаруживают достаточно много примеров обращения авторов к традиционному типу героини. Как мы уже отмечали, такой интерес обусловлен глубоко укорененным в национальном сознании стереотипом, который к тому же закрепляется и в языковом сознании в различного типа устойчивых выражениях: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде. Доброй жене домоседство не мука. Красна пава перьем, а жена мужем* [См.: 2].

Несмотря на то, что героиня данного типа является едва ли не самым архаическим типом в русской художественной словесности, довольно часто русские писатели XIX в. отступают от канонов, предписанных предшествующими веками. Другими словами, их героини вовсе необязательно должны быть отражением привычного облика русской женщины, основным акцентом во внешности которой должна быть не бросающаяся красота, а, прежде всего, здоровье и готовность служить мужчине.

Отметим, что застенчивость, необщительность, часто нежелание общаться с совершенно чужими людьми, доходящее до замкнутости и странности, – это качества, свойственные всем «традиционным» героиням русской классической литературы. Ср. у А.С. Пушкина (репрезентанты художественного концепта выделены курсивом):

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.*
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
*Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна* [5].

Внутренний мир «традиционных» героинь, склонных к проявлению душевности а, самое главное, следующих принципам строгой морали, запечатлевается в их внешнем облике и, прежде всего, в глазах, в их выражении. Отметим при этом, что даже совершая поступки против нравственности – изменяя ли мужу (Вера в романе «Герой нашего времени»), оказываясь ли в доме терпимости (Катюша Маслова в «Воскресении»), эти персонажи сохраняют внутреннее благородство и чистоту помыслов. Кроме того, авторы часто акцентируют внимание читателя на том, что такие проступки – результат несчастливой судьбы и негативно сложившихся обстоятельств.

Внешность героини традиционного типа может быть описана и довольно лаконично, прежде всего, с тем, чтобы дать возможность дополнить характеристики образа, а, следовательно, и художественного концепта в процессе рецептивно-интерпретативной деятельности.

Так, у И.С. Тургенева в романе «Дворянское гнездо» Лиза Калигина, типичная «традиционная» героиня при своем первом появлении не является носителем никаких особенных внешних примет: «на пороге другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая девушка лет девятнадцати – старшая дочь Марьи Дмитриевны, Лиза» [7]. У А.С. Пушкина в романе «Капитанская дочка» описание Маши Мироновой на протяжении всего текста не содержит никаких особенностей, никаких необычных внешних примет: «Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою» [5]. Из приведенного фрагмента становится ясно, что Маша Миронова – девушка стеснительная, скромная, юная, а внешние показатели *круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши* вообще соответствуют фольклорным представлениям о том, какой должна быть спутница героя. Такая неброская внешность в целом соответствует описанным выше представлениям о преимуществе внутренней красоты перед внешней.

Следующий важный аспект моделирования художественного концепта «героиня» составляет описание речевых особенностей и манеры поведения героини «традиционного типа». Прежде всего, необходимо отметить самоотверженность таких героинь, их скрытность по причине нежелания беспокоить дорогих им людей. Например: «Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается; я боюсь, чтобы не было у нее чахотки ...» [4]. Неслучайно автор вводит лексический повтор в высказывание Печорина (*больна, очень больна*): это стилистическое средство позволяет усилить прагматический эффект речи персонажа. К тому же контекст *хотя в этом и не признается* подтверждает выдвинутый выше тезис о самоотверженности «традиционных» героинь.

Героини «традиционного» типа открыто говорят о тех эмоциях, которые они переживают. Мало того, они недоумевают, когда окружающие не испытывают таких же чувств, например: «... Тут же в лавке так и заплакала, при купцах-то, что не достало... Ах, как было жалко смотреть».

— Ну и понятно после того, что вы... так живете, — сказал с горькою усмешкой Раскольников.

— А вам разве не жалко? Не жалко? — вскинулась опять Соня, — ведь вы, я знаю, вы последнее сами отдали, еще ничего не видя. А если бы вы всё-то видели, о господи! А сколько, сколько раз я ее в слезы вводила! Да на прошлой еще неделе! Ох, я! Всего за неделю до его смерти.

Я жестоко поступила! И сколько, сколько раз я это делала. *Ах как теперь целый день вспоминать было больно!*» [1]. В данном фрагменте для речи Сони ключевым словом выступает лексема *жалко*: именно жалость является доминантной чертой ее личности. Также особо следует выделить и высказывание героини *Ах как теперь целый день вспоминать было больно!*, весьма точно характеризующее ее эмоциональный мир.

Особую роль в процессе репрезентации речевых особенностей героинь традиционного типа играют их письма. Обратимся в качестве примеров к двум из них – Татьяне Лариной («Евгений Онегин») и Вере («Герой нашего времени»). Татьяна первой пишет письмо человеку, с которым едва знакома, тем самым, нарушая все правила этикета. Она об этом знает, свидетельством чему ее письмо, однако скрывать свои чувства она не может и признается Онегину в любви. Несмотря на то, что ее письмо выдержано в духе тех сентиментальных романов, которые она прочла и которые отчасти сформировали ее мировоззрение, в приведенном ниже фрагменте отчетливы и репрезентанты внутренней речи самой героини, личностная специфика ее высказываний, ее тезаурус и синтаксис:

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи...[5]

В приведенном фрагменте репрезентантами особенностей внутренней речи героини, на наш взгляд, выступают следующие лексемы и лексические сочетания: *стыда не узнали, надежду имела, хоть редко, хоть в неделю раз видеть вас, только слышать ваши речи, слово молвить*. Подчеркнем, что, хотя автор и предваряет письмо героини уточнением, что оно написано по-французски, тем не менее, этот «перевод» вполне достоверно передает «русскость» души Татьяны. Кроме того, лексическое сочетание *в деревне нашей*, а также строки *«Всё думать, думать об одном/ И день и ночь до новой встречи»* также транслирует особенности русского национального характера, который Татьяна воплощает.

Героиня высказывает предположения о своей будущей судьбе в духе представлений именно традиционного типа:

Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать [5].

Ключевым словом выступает *смирив*, которое создает условия для воплощения традиционных идеалов (*верная супруга, добродетельная мать*).

На наш взгляд, наиболее репрезентателен следующий контекст, в котором сочетаются клише переписки, свойственные эпохе сентиментализма (первые четыре строки фрагмента), и присущие самой героине эмоции, выраженные во внутренней речи:

Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!
Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю... [5].

В первой части данного фрагмента заметно употребление клишированных сочетаний *единым взором, надежды сердца оживи, сон тяжелый перерви*, в то время как вторая часть отмечена, кроме значимых для отражения внутреннего мира Татьяны сочетаний *стыдом и страхом замираю, смело себя вверяю, порукой ваша честь*, применением графических средств – восклицательного знака и многоточий.

Если в письме Татьяны ее внутренний мир раскрывается как бы помимо ее воли, преодолевая рамки существующих правил переписки, «прорываясь» сквозь них достаточно часто, но, не преобладая в целом в тексте, то в письме Веры представлен достаточно целостный самоанализ и анализ характера Печорина. Например: «Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я *никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин*» [4]. Курсивом выделены репрезентанты речевых особенностей героини, характеризующие ее собственные свойства. В следующем фрагменте представлен анализ характера Печорина: «<...> не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе

есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном» [4].

В завершение характеристики героини традиционного типа приведем также контекст из текста романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: «Он давно ничего не сочинял; но, видно, Лиза, *лучшая его ученица, умела его расшевелить*: он написал для нее кантату, о которой упомянул Паншин» [7]. Выделенные курсивом лексемы позволяют подтвердить тезис о том, что героини рассматриваемого типа вдохновляют героев на великие дела, а в том, что Лиза – лучшая ученица, читатель, вслед за автором, не сомневается: героиня традиционного типа всегда наделяется добродетелями и талантами, она отдается какому-либо избранному ею занятию всем своим существом.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Преступление и наказание. – Л.: Наука, 1989. – 575 с.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
3. Кардапольцева В.Н. Женские лики России. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – 160 с.
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Проза. Письма. – М.: Худож. лит., 1958. – С. 7-156. – URL: <https://ilibrary.ru/text/12/index.html>
5. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Романы. Повести. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. – С. 286-411. – URL: <https://ilibrary.ru/text/107/index.html>
6. Розанов В. В темных религиозных лучах. Свеча в храме. – М.: Рипол-классик, 2018. – 404 с.
7. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. – М.: Наука, 1981. – С. 5-190. – URL: <https://ilibrary.ru/text/96/index.html>

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ФРАЗА: СООТНОШЕНИЕ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА, РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ

Нимаева Эржена Зориктоевна

аспирант

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
РФ, г. Улан-Удэ*

SENTENCE AND PHRASE: CORRELATION BETWEEN UNITS IN THE ASPECT OF LANGUAGE, SPEECH AND THINKING

Erzhena Nimaeva

Post-graduate student,

*Buryat State University named after D. Banzarov,
Russia, Ulan-Ude*

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения предложения, фразы и высказывания в иерархии языковых и речевых единиц с позиций лингвистического и нелингвистического подходов. В статье также уделяется внимание вопросу о необходимости изучения внутреннего уровня синтаксиса. Актуальность данной проблемы обусловлена трендом науки XXI в., который состоит в проведении трансдисциплинарных исследований.

Abstract. The article is devoted to the problem of the correlation between a sentence, a phrase and an utterance in the hierarchy of linguistic and speech units from the point of linguistic and not linguistic approaches. The article also pays attention to the issue of the need to study the internal level of syntax. The urgency of this problem is due to the trend of science of the XXI century, which consists in conducting transdisciplinary researches.

Ключевые слова: синтаксис; предложение; высказывание; фраза; фразовая конструкция, генеративная лингвистика.

Keywords: syntax; sentence; statement; phrase; phrasal construction, generative linguistics.

Известно, что основная функция языка заключается в общении, в коммуникации. Выполнять функцию общения в языке позволяет **синтаксис** (греч. Syntaxis - 'построение, сочетание, порядок'): именно

этот раздел языкознания регистрирует момент коммуникации, состоящей прежде всего в том, что «одно названное определяется другим» [3, с. 324]. **Синтаксис** – «1. Раздел языкознания, предметом которого является как **предложение**, выступающее в качестве основной единицы **речи**, так и словосочетание, выступающее в качестве сложного, неопредельного составляющего предложения. 2. Учение об особенностях (специфики) функционирования в речи различных лексико-грамматических классов слов (частей речи). 3. Совокупность типов сочетания слов и моделей построения словосочетаний и предложений» [1, с. 398]. Именно синтаксис дает наиболее глубокое системное описание словосочетаний и предложений (их строение, правила и способы связи их компонентов), представляющих собой внешние характеристики языка.

Цель исследования заключается в попытке выявления соотношения предложения, фразы и высказывания в иерархии не только языковых и речевых единиц, но в их соотношении с лингвистическими категориями. Другими словами, наша цель соотнести и приблизить «живущие» отдельно друг от друга лингвистический и нелингвистический подходы к разграничению данных единиц, тем самым нащупать способы к исследованию закономерностей функционирования языка с точки зрения синтаксиса.

Однако вначале следует обратиться к определениям ключевых терминов «предложение», «высказывание», «фраза», данных в лингвистических словарях. Мы обратились к Словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой и к Большому лингвистическому словарю В.Д. Стариченка.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается следующее определение **предложения**: «1. Грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица **речи**, являющаяся главным *средством формирования, выражения и сообщения мысли* о некоторой действительности и отношения к ней говорящего. Предложение обладает свойством звуковой выделительности (на основе внутренней фонетической организованности), оно выражает предикацию и состоит из одного или нескольких слов, являющихся его предельными составляющими (или потенциальным минимумом). 2. Двучленный синтаксический комплекс, в котором вполне определенно выражаются два главные члена (подлежащее и сказуемое) или же, в более сложных случаях, группа подлежащего и группа сказуемого. 3. Часть сложного предложения» [1, с. 335].

В Большом лингвистическом словаре В.Д. Стариченка предложение определяется как синтаксическая единица: «основная **синтаксическая единица**, служащая главным *средством формирования, выражения*

и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека...» [4, с. 467]. Как мы видим, здесь так же обращается внимание на участие предложения в формировании и передаче мыслей человека, что не противоречит его определению как единицы **речи**.

Далее рассмотрим определения высказывания и фразы – единиц, совпадающих в некоторых случаях с предложениями.

Высказывание – «основная **речевая** единица, характеризующаяся смысловой, интонационной и структурной целостностью, выполняющая коммуникативную функцию и воспринимаемая слушателем в процессе общения. Они во многих случаях совпадают с **предложениями**, но полностью отождествлять их нельзя: высказывание, как правило, не может функционировать вне контекста, оно не всегда опирается на специально предназначенный для сообщения грамматический образец, по которому строятся предложения...» [4, с. 115].

Фраза – «(греч. phrasis ‘выражение, оборот речи’) – наиболее крупная ритмико-интонационная единица членения звукового потока. Это **высказывание**, обладающее интонационной и смысловой законченностью и отделенное от других единиц продолжительными паузами... Фраза может совпадать с **предложением**, однако не может быть ему полностью тождественна. **Фраза** – единица **фонетическая, предложение** – единица **грамматическая**» [4, с. 684]. В Словаре-справочнике лингвистических терминов Розенталя Д.Э. и Теленкова М.А. фраза, согласно первому значению, есть «наименьшая самостоятельная единица **речи**, выступающая как единица общения ...», согласно второму значению, фраза – это «самая крупная фонетическая единица, законченное по смыслу высказывание, объединенное особой интонацией и отделенное паузой от других таких же единиц» [7].

Более конкретное с точки зрения **структуры** определение, однако не указывающее на место в иерархии единиц языка и речи, но близкое к определению предложения из словаря Ахмановой О.С., дано британским лингвистом П.Х. Мэтьюзом. Прежде чем, дать определение термину «**фраза**», ученый отмечает необходимость понимания терминов «именное придаточное предложение» (noun clause) и «группа существительного» (noun phrase) как конструкций, в которых один элемент может, по крайней мере, в некоторых случаях стоять в прямой связи с другим элементом в более крупной единице. В группе существительного таким элементом является главная часть (head). Конструкция может быть представлена с помощью схемы, в которой одна главная часть не имеет или имеет зависимые части, и может быть в качестве управляющей (controller) или зависимой (dependent) части по отношению к дополнительному элементу X (порядок не имеет значения): [(Dependent|

(Dependent2...(DependentN)) Head] (X). Термин **«фразовая конструкция»** может быть определен как любая конструкция, которая имеет главную часть (head), а термин **«фраза»** как любая единица, которая обладает такой конструкцией [6, с. 160, 161].

Исходя из рассмотренных определений, можно сделать следующий вывод: **предложение**, всегда являясь **языковой** (синтаксической) единицей, может быть: а) в случае функционирования в определенном контексте и обладания смысловой, интонационной и структурной целостностью **речевой** единицей – **высказыванием**; б) при наличии синтаксической структуры с главной частью, интонационной и смысловой законченности, отделенности от других единиц продолжительными паузами **речевой и фонетической** единицей – **фразой**.

После рассмотрения предложения, фразы и высказывания в их соотношении друг к другу, обратимся к ряду положений из психологической лингвистики, которые раскрывают некоторые закономерности порождения фразы или ее природу.

Рассматривая вопрос о внутреннем строении фразы, нельзя не обратиться к положениям **генеративной лингвистики**, одним из основателей которой был американский лингвист Н. Хомский, который рассматривал лингвистику как раздел психологии. Стремясь показать возможность выделения синтаксических структур с помощью формального анализа грамматической структуры фраз независимо от их значения, Н. Хомский приводит ставшим классическим пример «Бесцветные зеленые идеи бурно спят» (Colorless green ideas sleep furiously). Формальная правильность этой конструкции не может вызвать никаких сомнений, несмотря на смысловое противоречие слов по отношению друг к другу. Закономерные грамматические структуры, входящие в состав конструкции, Н. Хомский обозначил как «поверхностные синтаксические структуры языка», которые, в свою очередь, специфичны для каждого языка. Согласно гипотезе ученого, за бесчисленным числом «поверхностных синтаксических структур» существуют «глубинные синтаксические структуры», которые отражают наиболее общие схемы выражения *мысли*, при этом их число сравнительно невелико [5, с. 15]. Основной вывод популярной генеративной теории Хомского заключается в следующем. За внешней речью, которая организовывается говорящим в соответствии с определенными правилами, существует некий внутренний остов – **предсинтаксис**, который конструирует план будущего говорения.

Рассмотрим далее, что сказано по поводу заданной темы другим известным мыслителем не чисто лингвистического направления – А.Р. Лурия. Не указывая на нетождественность высказывания, фразы и предложения, он утверждает, что **«если слово является элементом**

языка, предложение является единицей живой речи». В подтверждение данного тезиса ученый предлагает сделать срез с позиции онтогенеза, для чего приводит положение о первичности высказывания или первичности предложения. Так, на первом этапе праистории звуки или «слова», из которых и состоял язык, и которые получали свое значение только в контексте действия или ситуации, носили *симпрактический характер*. В таких случаях предложение могло состоять из подлежащего, выраженного в слове, и сказуемого, выраженного в жесте или в практическом действии. В других случаях функцию подлежащего мог получить направленный на предмет указательный жест, а словесная формулировка могла относиться к действию с этим предметом. На дальнейших этапах развития языка происходит замена симпрактической связи слова с действием на *синсемантическую*, т. е. связь двух слов. На этом этапе развития языка целая **фраза** или оформленное речевое **высказывание** является **единицей живой речи** [2, с. 151].

Для понимания процесса **порождения целой фразы** как наиболее короткой формы речевого сообщения А.Р. Лурия предлагает обратиться к рассмотрению процесса возникновения элементарных синтаксических связей слов или синтагм у ребенка. Возникновение элементарных синтагм у ребенка происходит с заменой симпрактического контекста синсемантическим, когда слово, находящееся в неразрывной связи с практическим намерением, действием или жестом, приобретает в голове ребенка определенную самостоятельность. Из этого следует, что по своему происхождению появление синтагм или цепи синтагм, дополняющих изолированное слово до связного целого, связано с первоначальной симпрактической речью, которая всегда имеет строение «желание → имя» или «имя → действие». Подобная связь может принимать более сложные формы («имя → действие → объект»), требующие формирования более сложных по строению синтагм, что является переносом на речевой уровень выступавших на ранних этапах развития ребенка *действенных связей* [2, с. 153 – 154].

В соответствии с современными лингвистическими представлениями в языке выделяются два принципа организации словесных значений: *парадигматический* – порождающий понятия и *синтагматический* – порождающий высказывания. **Парадигматическая** организация языка – это «включение данного элемента языка в известную систему противопоставлений или в известную иерархическую систему кодов» [2, с. 154]. Парадигматическому принципу подчиняются фонетические и лексические элементы слова, морфологические и семантические формы слова: существительные противопоставляются глаголам, глаголы – прилагательным, абстрактные слова – конкретным, каждая

из названных групп составляют целую иерархию, образующую понятие [2, с. 154-155].

Синтагматический принцип организации языка и речи заключается в том, что основу организации высказывания составляют не иерархия элементов, а *плавные переходы от одного слова к другому*. В качестве примера А.Р. Лурия приводит описание того, как ребенок рассказывает о картине «Опять двойка»: а) на первых этапах ребенок, используя слова «собака», «мальчик», копирует выражение мальчика и разыгрывает изображенную на картине ситуацию; б) позже, на стадии развитой речи ребенок использует не изолированные слова, а серии слов, входящих в систему последовательных синтагматических цепей. Так ученый приходит к выводу о том, что входящие в состав предложения слова образуют высказывания, формулировку мысли или события и являются, следовательно, **единицами суждения** [2, с. 155].

В основе порождения фразы лежит не принцип наибольшей вероятности появления слов, а **смысловое единство**. По мнению А.Р. Лурии, следует задумываться не о том, каким образом из отдельных слов возникают фразы, а о том, что, возможно, высказывание исходит из первичной мысли или замысла, превращающихся лишь затем в систему слов, образующих фразу.

Подведем итоги. Предложение и фраза как единицы языка и речи не тождественны. Однако **предложение**, являясь **языковой** (синтаксической) единицей, может так же являться **речевой** единицей: 1) **высказыванием** - при наличии смысловой, интонационной и структурной целостности и функционирования в определенном контексте; 2) **фразой** - при наличии синтаксической структуры с главной частью, интонационной и смысловой законченности, отделенности от других единиц продолжительными паузами.

Рассмотренные в статье идеи генеративной лингвистики Хомского и положения А.Р. Лурии о том, что **предложение** является единицей не только **живой речи**, но и **суждения**, подтверждают необходимость попыток заглянуть, переступив за границы чистого языковедения, в область внутреннего ненаблюдаемого синтаксиса для изучения вопросов о функционировании языка, что соответствует выдвинутому Эдгаром Мореном тренду науки XXI в. о трансдисциплинарных исследованиях.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1966.
2. Лурия А. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 536 с.

4. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 811 с.
5. Chomsky Noam. Syntactic Structures. Germany: Mouton Publishers, The Hague, 1957. 117 p.
6. Matthews P.H. Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 306 p.
7. Словари и энциклопедии на Академике / URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1798> (дата обращения 10.07.2021).

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам LI международной
научно-практической конференции*

№ 9 (52)
Октябрь 2021 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.10.21. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,75. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru